

ЗАМѢЧАНІЯ

о военныхъ дѣйствіяхъ происходившихъ въ
Польшѣ, вслѣдствіе возстанія 17 (29) ноября
1830 г.

Генерала Хржановскаго.

(Переведено съ французской рукописи).

При началѣ возстанія польская армія состояла, включая саперъ и ветерановъ, изъ 29 баталіоновъ пѣхоты, 36 эскадроновъ кавалеріи, 96 орудій, въ томъ числѣ 24 конныхъ, и изъ роты конгревовыхъ ракетъ.

Въ послѣднихъ числахъ ноября вся пѣхота, исключая гарнизона Замосця и конно-егерской дивизіи, была собрана около Варшавы. Уланская дивизія находилась въ Седльце. Декретомъ было предписано сформированіе 3-хъ и 4-хъ баталіоновъ, при чемъ была упущена изъ виду необходимость распредѣлить людей въ старые и новые баталіоны по ровну. Составъ первыхъ двухъ баталіоновъ каждого полка не измѣнилъ

ся; 3-ьи были сформированы изъ отпускныхъ солдатъ, а 4-ые изъ рекрутъ. Ту же ошибку сдѣлали относительно 3-хъ дивизіоновъ кавалерійскихъ полковъ, которые были составлены изъ старыхъ отставныхъ солдатъ. Но эта мѣра имѣла совершенно различное вліяніе на оба рода оружія. 1-е и 2-е баталіоны были лучшіе, 3-ьи слабѣе, 4-ые же почти вовсе негодны. Напротивъ, въ кавалеріи 3-ьи дивизіоны были лучшіе, между тѣмъ какъ старыя эскадроны не имѣли той стремительности (*élan*), которая составляетъ главную силу кавалеріи.

Въ это же время было приступлено къ формированію 5 пѣшихъ батарей въ числѣ 39 орудій, при чемъ воспользовались прусскими орудіями и 14 гаубицами, находившимися въ Модлинѣ. Турецкія орудія изъ Варны были даны полуротѣ конныхъ конгреговыхъ ракетъ, преобразованной въ легкую батарею.

Наконецъ 12 фунтовыя орудія гвардейской конной артиллеріи были переданы въ пѣшую батарею и взамѣнъ ихъ въ конную артиллерію даны 6 фунтовыя орудія.

Въ началѣ декабря 3-ьи баталіоны вошли въ составъ полковъ, и пѣхота была раздѣлена на 4 дивизіи.

1-ю дивизіею командовалъ Круковецкій; она состояла изъ 1-го, 5-го, 2-го и 6-го линейныхъ полковъ; всего изъ 12 баталіоновъ.

2-я дивизія, подъ начальствомъ Жимирскаго, состояла изъ 3-го и 7-го линейныхъ и 2-го и 4-го пѣшихъ егерскихъ полковъ; всего 12 баталіоновъ.

3-я дивизія, подъ начальствомъ Сержинецкаго, состояла изъ 4-го и 8-го линейныхъ полковъ и двухъ баталіоновъ ветерановъ; всего 10 баталіоновъ. (По присоединеніи, въ началѣ января, 4-го баталіона 4-го линейнаго полка, составъ дивизіи былъ 11 баталіонный).

4-я дивизія, подъ начальствомъ Шомбека, состояла изъ 1-го и 3-го пѣшихъ егерскихъ полковъ и изъ 4 баталіоновъ гренадеръ; всего изъ 40 баталіоновъ.

Такимъ образомъ, вся пѣхота состояла изъ 45 (43) баталіоновъ въ числѣ 30,000 человекъ (свыше 35,000). Саперы были распределены по ротамъ въ Модлинѣ, Замосцѣ и Прагѣ; кромѣ того небольшіе отряды саперъ были приданы каждой дивизіи. Что касается четвертыхъ баталіоновъ, то три изъ нихъ были назначены для гарнизона въ Модлинѣ, четыре въ Замосцѣ и четыре впоследствии были разбиты на небольшіе отряды, прикрывавшіе, подъ начальствомъ Стравскаго и Дверницкаго, верхнюю Вислу.

Въ тоже время было сдѣлано распоряженіе объ общемъ ополченіи (*levée en masse*) подъ наименованіемъ стражи безопасности (*Straz bezpieczeństwa*). Но какъ эта мѣра не имѣла успѣха,

то декретомъ предписано было сформированіе 16 пѣхотныхъ полковъ 3-хъ баталіоннаго состава, для каждаго воеводства по два, и 16 полковъ кавалеріи. По недостатку въ оружіи, и способ-ныхъ оберъ и унтеръ-офицерахъ, формированіе новой пѣхоты шло весьма медленно, диктаторъ, рѣшившійся на эту мѣру противъ своей воли, не старался ускорить его. Назначеніе офицеровъ было предоставлено двумъ региментарямъ, сдѣлавшимъ не вполнѣ удачный выборъ, что впоследствии отозвалось весьма невыгодно.

Формированію кавалеріи шло немного быстрее, но все же, при началѣ кампаніи, воеводства Августовское, Плоцкое, Подляское и Люблинское, сформировали каждое только по одному полку, Краковское и Мазовецкое выставили по два полка, Калишское 3, которымъ не посчастливилось, такъ что послѣ Гроховскаго сраженія они были пореформированы въ два полка. Что касается двухъ полковъ Сандомирскаго воеводства, то они такъ и не были доведены до полного комплекта.

Вся кавалерія по мѣрѣ формированія вступала въ ряды войскъ и простиралась до 8,000. Полки ея получили наименованія отъ воеводствъ, но вообще ихъ называли Кракузами.

Кромѣ этой общей организаціи формировались еще многіе отдѣльные отряды. Пѣшій егерскій (5-й) и уланскій (6-й) полки въ Варшавѣ;

2 баталіона вольныхъ стрѣлковъ (wolne strzeley), одинъ въ Подляхїи и одинъ въ Сандомирѣ (Курпы), одна рота вольныхъ стрѣлковъ въ Калишѣ, одинъ полкъ уланъ сформированный Замойскимъ; 1 дивизіонъ Познанцевъ, 1 дивизіонъ Галиційцевъ, 1 дивизіонъ и 1 баталіонъ Подольцевъ; изъ жандармовъ сформировали карабинерный дивизіонъ (*). Впослѣдствїи, уже лѣтомъ, правленіе предписало сформированіе 8 пѣшихъ егерскихъ полковъ. Но эта мѣра встрѣтила много затрудненій и изъ собранныхъ 3—4,000 челов. образовали отрядъ Ружицкаго.

Изъ вышензложеннаго видно, что около 20 декабря имѣлось 30,000 челов. (35,000) пѣхоты и 6,000 кавалерїи съ 120 орудїями. Кромѣ того формировалось 40,000 ч. пѣхоты, 10,000 кавалерїи и 23 орудїя, изъ коихъ 10,000 чел. пѣхоты и 3,000 кавалерїи могли быть тотчасъ употреблены въ дѣло.

Такъ какъ вожди революціи не хотѣли или не могли избѣжать войны, то въ самомъ началѣ приступили къ обсужденію системы, которой надлежало слѣдовать. Въ умахъ людей, стоявшихъ во главѣ революціи, утвердилась стран-

(*) Сюда нужно еще причислить: Университетскую гвардію, состоявшую изъ академистовъ, $\frac{1}{4}$ баталіона; такъ называемыхъ Адскихъ егерей $\frac{1}{2}$ баталіона; Калишскихъ и Мазовецкихъ вольныхъ егерей по $\frac{1}{2}$ баталіону и. т. д. Пр. Изд.

ная мысль. Они увѣряли другъ друга, что тотъ, кто владѣетъ треугольникомъ между Варшавою, Модлиномъ и Сѣроцкомъ, тотъ владѣетъ и Польшею. Эти слова, приписываемыя Наполеону и находящіяся въ сочиненіи Пеле, считались та-
 лисманомъ; опираясь на этотъ авторитетъ, хотѣли выждать русскихъ въ этомъ магическомъ треугольникѣ, въ убѣжденіи, что тамъ поляки будутъ непобѣдимы. Это была не первая и не послѣдняя иллюзія, которою одни прельщали себя, и которую другіе раздѣляли, или по крайней мѣрѣ дѣлали видъ, что раздѣляютъ. Они забывали, что одного изъ угловъ этого треугольника вовсе не существовало (Сѣроцка), что Варшава не была укрѣплена, что укрѣпленія Праги, надъ которыми теперь только работали, были незначительны и не были въ состояніи прикрыть отступленія или выступленія арміи, что наконецъ укрѣпленія Модлина были въ такомъ разрушеніи, что ихъ легко было занять внезапнымъ нападеніемъ. Наконецъ, Модлинъ и Варшава не были снабжены продовольствіемъ и не могли обойтись безъ непрерывнаго подвоза припасовъ. Впрочемъ, принимая даже, что треугольникъ вполнѣ существуетъ, что имѣется достаточно продовольствія, замѣтимъ, что обстоятельства благопріятныя для Наполеона, не были бы благопріятны для насъ. Наполеонъ находилъ въ этомъ треугольникѣ убѣжище для своей

арміи, въ которой послѣ пораженія, можетъ быть, оставалось бы только около 80,000 чел., и которая, безъ этого опорнаго пункта, вѣроятно, была бы принуждена отступить за Одеръ. Маневрируя же внутри этого треугольника, прикрываясь по очередно то той, то другой изъ двухъ рѣкъ, онъ могъ быть увѣренъ, удержать успѣхи русской арміи, и даже могъ надѣяться разбить ее по частямъ, нападая на нее во время движенія или при переправахъ черезъ рѣки. Но тѣмъ не менѣе для того, чтобы перейти въ наступленіе и опять занять край, ему пришлось бы дожидаться новой помощи изъ Франціи, которая, въ соединеніи съ прежнею арміею въ треугольникъ, дала бы ему численный перевѣсъ надъ русскою, значительно ослабѣвшею послѣ продолжительной кампаніи. Но еслибъ онъ лишился этой помощи, то не смотря на всю волшебную силу треугольника, армія, все болѣе тѣснимая, должна была бы положить оружіе. А какъ мы не могли ожидать свѣжей арміи, то мы, конечно, скоро были бы вынуждены покориться, и занятіе Варшавы полагало бы конецъ войнѣ (*). Я былъ того миѣ-

(*) Этотъ треугольникъ полагалъ надежду при переправахъ или въ другихъ случаяхъ по частямъ разбить русскихъ; значительная же побѣда должна была оказать величайшее вліяніе на все, что говорило по польски. Пр. Изд.

нія, что война, веденная подобнымъ образомъ, не могла продлиться болѣе мѣсяца. И этотъ операціонный планъ имѣлъ еще другую невыгоду, половина края покидалась, не обнажая меча, при чемъ лишались вспомогательныхъ средствъ, которыя можно было извлечь изъ него.

Въ первыхъ числахъ декабря я представилъ диктатору другой операціонный планъ, основанный какъ на свѣдѣніяхъ о движеніи русскихъ войскъ, такъ и на убѣжденіи, что войска, слѣдовавшія съ юга, не будутъ имѣть возможности въ скоромъ времени прибыть на театръ войны, почему нѣкоторое время ихъ можно было не принимать въ расчетъ. Я предлагалъ сосредоточить армію между Ломжею, Снядовымъ и Замбровомъ. Если есть возможность сохранить миръ, то этой цѣли легче было достигнуть, удаливъ войска изъ Варшавы; если же война неизбежна, то благоразуміе требовало, для обезпеченія успѣха, имѣть на своей сторонѣ, сколько возможно болѣе шансовъ. Если бы устремить въ концѣ декабря 30,000 пѣхоты и 6,000 кавалеріи противъ 6-го корпуса (*), то нѣтъ сомнѣнія, что наше предпріятіе увѣнчалось бы успѣхомъ (**). Неожиданность, самая смѣлость

(*) Въ 6 корпусъ было въ то время 24,000 пѣхоты и 3,600 кавалеріи (30 баталіоновъ и 24 эскадрона) съ 120 орудіями. Пр. Изд.

(**) Съ русской стороны, не полагаясь на вѣрность Ли-

этого движенія обусловливали его удачу, не говоря уже о многихъ другихъ обстоятельствахъ, весьма благопріятствовавшихъ этому предпріятію.

Я надѣялся одержать такой же успѣхъ надъ 4-мъ корпусомъ, слѣдовавшимъ въ растянутыхъ колоннахъ. Размѣръ этого успѣха долженъ былъ обусловить наши дальнѣйшія движенія. Если бы онъ увѣнчался полною удачею, то мы могли бы двинуться противъ гренадеръ; если же предпріятіе удастся только отчасти, то всетаки мы могли бы дойти до Бѣлицы, чтобы затѣмъ отступить чрезъ Слонимъ въ Брестъ. Этотъ пунктъ тѣмъ временемъ былъ бы занятъ нашими резервами. Въ теченіи января его тщательно укрѣпили бы и снабдили запасами. Отступившая въ Брестъ армія, усиленная новыми наборами, была бы въ состояніи помѣряться силами съ русскою, покрайней мѣрѣ она была бы достаточно сильна, чтобы удержаться въ оборонительномъ положеніи. Во время оттепели подвозъ жизненныхъ припасовъ въ русскую армію былъ бы крайне затруднителенъ, такъ какъ его пришлось бы производить изъ дальнихъ мѣстъ, потому что край, пройденный нами въ различныхъ направленіяхъ и средствами котораго мы бы существовали, въ то время, о которомъ говорится,

товскаго корпуса, дѣйствительно опасались такого предпріятія. Пр. Изд.

былъ бы уже крайне истощенъ. Располагаясь у Бреста, мы легко получали бы все нужное по шоссе изъ Варшавы. Короче, предлагаемый мною операціонный планъ, въ самомъ неблагопріятномъ случаѣ, имѣлъ бы послѣдствіемъ пораженіе хотя одного корпуса русской арміи и далъ бы намъ возможность на нѣкоторое время прикрыть край, и организовать новые наборы. Если же, сверхъ всякаго чаянія, мы были бы разбиты въ Литвѣ, то, безъ сомнѣнія, все было бы потеряно, но это только ускорило бы рѣшеніе судьбы, которое рано или поздно слѣдовало ожидать въ Варшавѣ, и по крайней мѣрѣ страна пострадала бы менѣе. За представленіе этого плана и поясненіе ошибокъ того, которому намѣревались слѣдовать, я былъ сосланъ въ Модлинъ, куда меня назначили вторымъ комендантомъ.

До сверженія Хлопицкаго войска были въ постоянномъ движеніи, но все эти маневры не заслуживаютъ описанія. Войска отирались то въ Сѣроцкъ то въ Минскъ, и если только въ этомъ не было скрытой цѣли занять армію и отнять охоту къ битвамъ, то все эти марши достойны осмѣянія.

Послѣ назначенія Радзивила главнокомандующимъ, я былъ вызванъ изъ Модлина и назначенъ состоять при его особѣ. Мой первый планъ уже не былъ исполнимъ, тѣмъ болѣе,

что о наступательномъ образѣ дѣйствій не хотѣли и слышать; поэтому я предложилъ, сосредоточить всю армію у Ваягорова, имѣя небольшіе отряды въ Остроленкѣ и Седльце. Еслибы фельд-маршалъ Дибичъ вторгнулся съ одною частью своихъ войскъ между Бугомъ и Наревомъ, а съ другою чрезъ Грану, можно было съ надеждою на успѣхъ атаковать тотъ отрядъ, который будетъ находиться на лѣвомъ берегу Буга, и притиснуть его къ рѣкѣ, на которой ледъ былъ весьма не надеженъ. Въ случаѣ же переправы всей русской арміи на лѣвый берегъ Буга, можно было бы дать сраженіе у Лива. Этотъ пунктъ весьма выгоденъ для обороны, ибо фронтъ его прикрывается болотистою рѣчкою Ливицею, берега которой, еще незамерзшіе, представляли весьма мало пунктовъ для переправы. Чтобы вытѣснить насъ изъ этой позиціи, русская армія была бы принуждена принести большія жертвы, и дажо, допуская, что мы были бы выбиты, мы ни въ какомъ случаѣ не подвергались полному пораженію. Кавалерія въ эту пору года не имѣетъ никакого значенія, и сверхъ того лѣса, начинающіеся въ нѣсколькихъ верстахъ за Ливомъ и простирающіеся до Праги, въ случаѣ преслѣдованія, сдѣлали бы употребленіе ея совершенно невозможнымъ.

Позиціи при Ливѣ я отдавалъ даже преимущество предъ Гроховскою, на которую я всегда

взиралъ какъ на весьма неудобную, ибо она недостаточно глубока и имѣла въ тылу трудно проходимое дефиле. Къ этому еще, нравственное вліяніе было совершенно на сторонѣ русскихъ, которые были бы у стѣнъ Варшавы, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія. Если бы русская армія вознамѣрилась обойти насъ въ позиціи при Ливѣ, то можно бы было во время обхода ударить ей во флангъ; въ случаѣ же неудачи, позади себя всегда имѣли столь цѣнную позицію при Гроховѣ. Этотъ операціонный планъ, подобно прежнему, также не былъ принятъ, потому что, не смотря на перемѣну главнокомандующаго, Радзивиль, не имѣвшій какъ полководецъ ровно никакого значенія, ничего не дѣлалъ, не спросясь Хлопицкаго. Лица прежде постоянно твердившія о треугольникѣ, привязались теперь къ другой небылицѣ. Они возлагали всю надежду на укрѣпленный лагерь Праги, хотя этотъ лагерь даже не былъ начертанъ на мѣстности.

Янковскій съ 2 полками кавалеріи былъ переведенъ въ Рожанъ, Скржинецкій со своею дивизіею посланъ въ Добре; изъ дивизіи Жимирскаго, расположенной въ Калушинѣ, одинъ полкъ былъ отправленъ въ Ливъ, а другой въ Ополе, для поддержанія уланской дивизіи, охранявшей Седльце и Ливецъ. Остальная часть арміи оставалась въ окрестностяхъ Окунева и Варшавы.

Извѣстіе о вступленіи русскихъ войскъ въ царство распространило общій ужасъ. Войска бывшія въ Седльце отступили въ Бойме. Я воспользовался первою минутою оцѣпненія (slurp), чтобы дать ходъ моему операціонному плану. Вслѣдствіе этого главная квартира отправилась въ Окуневъ и мнѣ дано неограниченное полномочіе, сдѣлать измѣненія, которыя я сочту нужными, въ расположеніи войскъ находившихся болѣе впереди. Въ то же время я получилъ приказаніе, прорваться между наступающею непріятельскою кавалеріею, чтобы получить положительныя свѣдѣнія о числѣ русскихъ войскъ, переправившихся на лѣвый берегъ Вислы. Я приказалъ опять занять Седльце, и отправившись въ Ливъ, двинулся къ Венгрову. При моемъ приближеніи нѣсколько эскадроновъ русской кавалеріи отступили. Я слѣдовалъ за ними на разстояніи 7 верстъ; въ это же время я просилъ Скржинецкаго занять Ливъ и Венгровъ. Но онъ отвѣтилъ мнѣ, что получилъ совершенно противоположныя приказанія и готовится отступать.

Имѣя съ собою только 1 полкъ пѣхоты и 1 кавалеріи, было бы черезъ чуръ смѣло двигаться далѣе; сверхъ того мнѣ было очевидно, что въ главной квартирѣ еще разъ измѣнили намѣреніе. Приказавъ войскамъ возвратиться въ Ливъ, и занявъ Венгровъ однимъ авангардомъ,

самъ я отпѣвился въ главную квартиру въ Окуневъ, гдѣ узналъ, что рѣшено было отступать и принять сраженіе у Праги. Я былъ переведенъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ во 2-ю дивизію (Жимирскаго), находившуюся тогда на шоссе. Съ этой минуты я буду говорить только о движеніяхъ той дивизіи, при которой я состоялъ, такъ какъ движенія остальной арміи мнѣ неизвѣстны.

Мы занимали еще Калущинъ и Ополе, когда Дверницкій направился противъ Гейсмара, обошедшаго насъ съ праваго фланга. Ничего не зная о маршѣ Дверницкаго, мы не могли условиться съ нимъ касательно одновременнаго движенія. Вслѣдствіе этого сраженіе при Сточекѣ не имѣло тѣхъ послѣдствій, на которыя можно было разсчитывать. Вскорѣ послѣ того, Дверницкій опять переправился на правый берегъ Вислы, чтобы отразить Крейца.

2-я дивизія имѣла приказаніе согласовать свои движенія съ движеніями 3-й дивизіи (Скржинецкаго), и держаться на одной высотѣ съ нею. Когда Ливъ былъ занятъ русскими войсками, мы покинули Седлыце, и какъ 3 баталіона нашей дивизіи отступили на Скржинецкаго, то мы имѣли въ Калущинѣ всего 9 батал. и 12 эскадроновъ, занимая аванпостами Завады, Тржебушу и Зимнаводы.

Послѣ дѣла при Добре, получивъ свѣдѣніе.

что русская армія наступаетъ съ цѣлью дебушировать на Калужинъ, мы въ полночь притянули всѣ наши аванпосты, и дивизія расположилась при входѣ въ Калужинскій лѣсъ.

Русская армія показалаcя около 7 часовъ утра. Мы тотчасъ начали отходить. Отступленіе производилось медленно и въ порядкѣ; на ночь мы расположились въ Минскѣ.

Будучи усилены одною кавалерійскою дивизією, мы намѣревались защищать Минскъ, какъ получили увѣдомленіе отъ Скржинецкаго, что онъ отступаетъ, и что ежели мы не желаемъ быть отрѣзанными, то также должны послѣдовать за нимъ. И такъ, еще разъ пришлось отступить, но войска не имѣли уже той увѣренности, какъ наканунѣ, и мы потеряли 1 орудіе, прислуга котораго, обрѣзавъ построики, спаслась бѣгствомъ. Это, быть можетъ, единственный примѣръ въ теченіе всего похода, потому что изъ всѣхъ родовъ оружія, артиллерія до послѣдней минуты выказывала величайшую стойкость и сохраняла прекраснѣйшій порядокъ.

Къ ночи мы прибыли въ Милосну; на слѣдующій день дивизія продолжала свое отступательное движеніе. Вслѣдствіе полученной мною раны, я не могу изложить подробностей Ваврскаго сраженія; по той же причинѣ я не участвовалъ и въ Гроховской битвѣ. Знаю только, что въ этотъ день дивизія Шембека составляла

оконечность праваго фланга; лѣвѣ стояла дивизія Жимирскаго, затѣмъ Скржинецкаго, и на крайнемъ лѣвомъ флангѣ у Бялоленки, находилась дивизія Круковецкаго. Кавалерія была расположена позади. На полѣ сраженія находилось всего 48 баталіоновъ, въ томъ числѣ единственный вновь сформированный полкъ—20-й. Но 12 баталіоновъ Круковецкаго были въ огнѣ только въ теченіи 2-хъ часовъ, у Бялоленки, и пострадали весьма мало. У насъ не было ни пѣхотнаго, ни артиллерійскаго резерва, почему блестящая атака русскихъ кирасиръ навела ужасъ и произвела замѣшательство въ нашей арміи, и тѣмъ болѣе, что послѣ раны Хлопицкаго и возвращенія Радзивила въ Прагу, некому было руководить битвою. Часть дивизіи Шембека, разстроенная артиллерійскимъ огнемъ и атакою кирасиръ, бѣжала въ безпорядкѣ (*se retira à la débânde*) по льду въ Солецъ; другія дивизіи начали отступать уже къ вечеру. Можно себѣ представить ужасъ распространившійся въ городѣ; на мосту же происходила страшная давка и замѣшательство (*engorgement*). Радзивиль, возвратившись въ Варшаву, приказалъ покинуть мостовое укрѣпленіе, и сжечь самый мостъ. Но это приказаніе не было приведено въ исполненіе. Въ полночь войска окончили переправу; около 20,000 ч. оставлены были въ Прагѣ; но когда армія вступила въ городъ, большая

часть ея разсѣялась (*l'armée se débanda en grande partie*).

На слѣдующее утро въ 5 часовъ былъ созванъ въ залъ правленія совѣтъ. Скржинецкій убѣдилъ Радзивила сложить съ себя главное начальство, давъ ему понять, что эта должность не по его способностямъ. Затѣмъ Уминскій предложилъ назначить главнокомандующимъ Скржинецкаго, и какъ никто не противился этому предложенію, то послѣдній и принялъ это званіе. Послѣ этого начались совѣщанія о дальнѣйшихъ мѣрахъ. Какъ младшій, я долженъ былъ подать мнѣніе первымъ. Я сказалъ, что, если возможно, нужно домогаться заключить миръ; еслиже время для этого прошло, то надлежитъ дорогою цѣною продать свою жизнь, и, не теряя времени, заняться реорганизаціею арміи. Такъ какъ все раздѣляли мое мнѣніе, то засѣданіе было закрыто, при чемъ я былъ назначенъ начальникомъ штаба арміи.

День прошелъ въ сборъ войскъ и возстановленіи нѣкотораго порядка въ полкахъ. Тетъ-де-вонъ былъ вооруженъ 35 орудіями, на что употребили двѣ вновь сформированныя батареи; въ тоже время для прикрытія мостового укрѣпленія возвели батареи на лѣвомъ берегу Вислы. Такъ какъ русская армія не выказывала намѣренія атаковать, или требовать сдачи города, то критическая минута прошла, а вмѣстѣ съ тѣмъ

немного пробудилась увѣренность. Слѣдующіе дни были употреблены на укомплектованіе 3 баталіоновъ старыхъ полковъ, для чего были взяты люди изъ новыхъ полковъ, въ которыхъ осталось по 2 баталіона съ депо; но эти полки не были еще на столько организованы, чтобы вступить въ ряды; только полкъ Варшавскихъ пѣшихъ егерей (5-й) нѣсколько времени спустя былъ присоединенъ къ 3-й дивизіи, чрезъ что число ея баталіоновъ увеличилось до 14. Составъ же дивизій остался прежній, перемѣнились только начальники ихъ. Командиромъ 1-й дивизіи былъ назначенъ Рыбинскій, 2-й Гелгудъ, 3-й Малаховскій и 4-й Мюльбергъ, замѣнявшіе Круковецкаго, назначеннаго губернаторомъ Варшавы, Жимирскаго, убитаго при Гроховѣ, и Скржинецкаго избраннаго главнокомандующимъ. Шембекъ, обиженный тѣмъ, что его не произвели въ дивизіонные генералы, вышелъ въ отставку. 1-я дивизія была переведена въ Гуру, прочія же остались въ Варшавѣ и въ ея окрестностяхъ, равно какъ и вся кавалерія, числомъ до 10,000. Она состояла изъ 3 дивизій подъ начальствомъ Уминскаго, Томаша Лубецкаго и Казимира Скаржинскаго. Отдѣльных отрядовъ въ то время было всего два, Дверницкаго, въ составѣ трехъ четвертыхъ баталіоновъ и 22 эскадроновъ и 18 третьихъ дивизіоновъ старыхъ полковъ; и Сѣ-

равскаго, состоявшаго изъ двухъ вновь сформированныхъ полковъ, 4-го баталіона 2-го полка и баталіона вольныхъ стрѣлковъ, всего въ числѣ 8 баталіоновъ, 8 эскадроновъ (также новаго формировація) и 6 орудій. Первый изъ этихъ отрядовъ вскорѣ былъ двинутъ къ Замосцю; второй же долженъ былъ охранять верхнюю Вислу.

Въ теченіи 20 дней полки были укомплектованы и совершенно обмундированы. Въ это же время были сдѣланы попытки для заключенія мира. Чрезвычайный совѣтъ, на которомъ присутствовали Кн. Чарторижскій, Скржинецкій, делегация сейма, Прондзинскій и я, уполномочилъ главнокомандующаго войти по этому предмету въ предварительныя сношенія съ фельдмаршаломъ. Нѣсколько дней спустя делегация сейма было представлено письмо, адресованное фельдмаршалу, въ которомъ она измѣнила лишь нѣсколько выраженій; разсудительность эту, конечно, нужно приписать только страху, испытанному въ теченіи послѣднихъ дней. Тогда весьма рассчитывали на чужестранное вмѣшательство. Мнѣ неизвѣстно, имѣла ли эта надежда нѣкоторое основаніе. Достоверно только то, что эта иллюзія и отвѣтъ фельдмаршала, требовавшего безусловной покорности, побудили насъ продолжать борьбу.

Было очевидно, что съ паденіемъ Варшавы

все могло считаться погибшимъ, поэтому долго обсуждалась система обороны, которую надлежало принять для столицы. Предложенный мною способъ былъ подражаніе способа Гаксо, предлагавшаго возвести три отдѣльныхъ форта на лѣвомъ берегу Вислы, а четвертый на правомъ. Какъ три форта казались мнѣ недостаточными для взаимной обороны, я предложилъ, заложить впереди ихъ 5 пентагоновъ, а въ промежуткахъ эполементы для полевой артиллеріи. Существовавшій уже въ Варшавѣ валъ долженъ былъ остаться въ настоящемъ видѣ, только съ небольшими исправленіями и съ устройствомъ выходовъ, прикрытыхъ люнетами, которые въ тоже время давали бы фланговую оборону валу. Мнѣ казалось, что въ этомъ случаѣ 25,000 ч. будутъ достаточны для обороны Варшавы: 15,000 надлежало распределить по пентагонамъ, а 10,000 оставить въ резервѣ. Каждый пентагонъ могъ быть вооруженъ 20 и даже болѣе орудіями, 60 же орудій находились бы въ резервѣ, для дѣйствія на пунктѣ атаки. По Скржинецкій объявилъ, что онъ недостаточно свѣдущъ въ инженерномъ искусствѣ и совершенно предоставилъ укрѣпленіе Варшавы инженерамъ, которые и возвели укрѣпленія, послужившія для обороны Варшавы 25 и 26 августа. Что же касается защиты самаго города, то Чарторижскій, Скржинецкій, Островскій и я

постановили, не доводить дѣло до послѣдней крайности; работы же, производимыя тамъ, должны были только, такъ сказать, пустить нить въ глаза толпѣ и вселить страхъ русской арміи.

Предполагалось также учредить въ Варшавѣ пороховую мельницу, оружейную фабрику и литейную для орудій. Но всѣ эти распоряженія не подвигались впередъ, по недостатку денежныхъ средствъ, нужныхъ инструментовъ и наконецъ способныхъ для сего людей.

Въ это время фельдмаршалъ Дибичъ сдѣлалъ распоряженія, для переправы чрезъ Вислу выше Варшавы. Предпріятію сему можно было воспрепятствовать троякимъ образомъ. Во-первыхъ: можно было двинуться вверхъ по лѣвому берегу Вислы и воспротивиться переправѣ русскихъ съ фронта. Еслибы, не смотря на это, фельдмаршалу всетаки удалось совершить переправу или форсировать ее, то нужно было сразиться. Съ потерей сраженія мы теряли все. Но и въ случаѣ успѣха трудно было рассчитывать на побѣду въ такихъ размѣрахъ, чтобы совершенно уничтожить русскую армію. Отойдя обратно за рѣку и усилившись подкрѣпленіями, она переправилась бы вторично. Вслѣдствіе этихъ соображеній мѣра эта была отвергнута, тѣмъ болѣе, что она заставляла насъ оставаться долгое время въ мѣстности, въ которой мы не

имѣли магазиновъ, и гдѣ и самый подвозъ, вслѣдствіе дурнаго состоянія дорогъ въ то время года, могъ дать только весьма скудные средства. Второе предположеніе было, выступить къ Модлину, переправиться чрезъ Наревъ и ударить внезапно на гвардію, расположенную между Бугомъ и Наревомъ. Противъ всякаго другаго отдѣльнаго корпуса, предоставленнаго на произволъ судьбы, для того чтобы можно было только совершить переправу, это средство было бы непримѣнимо. Но какъ дѣло касалось гвардіи, то можно было быть увѣреннымъ, что фельдмаршалъ броситъ все, чтобы поспѣшить къ ней на помощь. Но это движеніе могло быть приведено въ исполненіе только въ первыхъ числахъ марта. Однажды что 1-й корпусъ и гренадеры были сосредоточены у Рыкъ, и приготовленія къ переправѣ были почти окончены, нечего было и помышлять объ этомъ. Посему приняли третье предложеніе, Прондзинскаго: выступить изъ Праги, разбить 6-й корпусъ, расположенный на Калущинскомъ шоссе, и угрожая тылу русской арміи у Рыкъ, принудить ее, возвратиться и отказаться отъ намѣренія переправиться чрезъ Вислу. Этотъ планъ, условленный между Скржиницкимъ, Прондзинскимъ и мною, никому не былъ сообщенъ. Чтобы ввести въ заблужденіе непріятеля, дивизія Уминскаго была двинута въ Модлинь,

4-я пѣхотная дивизія послѣдовала за нею и уже на пути получила приказаніе, возвратиться въ Варшаву. Въ тоже время всѣ войска, находившіяся противъ Миниева, должны были приблизиться къ Варшавѣ и оставить вдоль Вислы только слабое прикрытіе изъ вновь сформированныхъ войскъ. Такимъ образомъ, для этой экспедиціи были назначены всѣ наши боевыя силы, за исключеніемъ отряда Уминскаго. Они состояли изъ 48 баталіоновъ, приблизительно 30,000 чел. пѣхоты, 6,000 кавалеріи и 116 орудій. Гарнизонъ Модлина былъ усиленъ двумя новыми полками, а въ Варшавѣ оставили депо всѣхъ старыхъ полковъ и 4 новыхъ полка, изъ коихъ одинъ былъ переведенъ въ Прагу. Тайна экспедиціи была сообщена кн. Чарторижскому только утромъ дня, назначеннаго для ея выполненія, Круковецкій же узналъ о ней, когда уже слышались пушечные выстрѣлы. Войска получили приказаніе быть готовыми къ выступленію лишь въ 8 часовъ вечера. Для полученія инструкцій собраны были всѣ начальники дивизій. Мостъ былъ покрытъ содомою, чтобы аванпосты, находившіеся на весьма близкомъ разстояніи, не слышали шума, производимаго войсками при переправѣ. Сперва перешла 4-я дивизія съ бригадою кавалеріи, и въ 3 часа утра выступила изъ Зомбской заставы. Эти войска двинулись на Кавенчинъ съ цѣлью обой-

ти Ваврескую позицію. Прочія дивизіи дебушировали изъ Гроховской заставы въ 5 часовъ утра. Густой туманъ благопріятствовалъ веѣмъ этимъ движеніямъ. Генераль Гейсмаръ легко могъ быть введенъ въ заблужденіе и полагать, что это не болѣе какъ повтореніе неоднократно производимыхъ нами рекогносцировокъ. Когда раздалась выстрѣлы между Кавенчинномъ и Вавромъ, колонны двинулись по главной дорогѣ. Часть авангарда Гейсмара была окружена и взята въ плѣнъ, остатки же были преслѣдуемы по шоссе. Позади Милосны произошла стычка съ нашимъ авангардомъ. Въ это время генералу Розену удалось собрать часть своихъ войскъ позади Дембе-Велке. Когда мы подошли къ этому селенію, то по всей линіи завязалась битва, продолжавшаяся до самой ночи. Атака кавалеріи на шоссе, произведенная уже поздно вечеромъ, рѣшила побѣду. Уронъ 6-го корпуса при численномъ превосходствѣ нашихъ войскъ былъ бы еще значительнѣе, если бы наши войска не состояли на третью долю изъ рекрутъ. Люди, сдѣлавшіе переходъ въ 40 верстъ и стоявшіе въ ружьѣ 20 часовъ, были чрезвычайно утомлены. Кромѣ того гроховская битва отчасти деморализировала войска.

На слѣдующій день преслѣдованіе продолжалось, и не безъ успѣха; но если 6-й корпусъ еще такъ удачно вышелъ въ этотъ день изъ

крайне незавиднаго положенія, то это нужно приписать ошибочнымъ распоряженіямъ, отвѣтственность въ которыхъ падаетъ на Скржинскаго, Пшондзинскаго и на меня. Въ авангардъ были назначены пѣхотная и кавалерійская дивизіи, не участвовавшія наканунѣ въ сраженіи и расположенныя бивуакомъ у Бржезинъ. Разсчитывали, что свѣжія войска будутъ преслѣдовать съ большею энергіею, но они запоздали немного выступленіемъ. Затѣмъ потребовалось не мало времени, чтобы миновать дефиле Дембе, загроможденное пороховыми ящиками, орудіями, повозками, принадлежащими какъ намъ, такъ и захваченными у непріятеля. Если бы для преслѣдованія были употреблены войска находившіяся впереди дефиле, то таковое могло бы начаться тремя часами ранѣе. Отрядъ, долженствовавшій преслѣдовать непріятеля по старой Калужинской дорогѣ, также опоздалъ выступленіемъ и вовсе не постигъ русскихъ войскъ, отступавшихъ по этой дорогѣ. Наконецъ отрядъ, шедшій отъ Янова къ Пржитоку, и имѣвшій назначеніемъ обойти и окружить непріятеля, заблудился, что не случилось бы, если бы я самъ находился при этомъ отрядѣ. Но въ то время, какъ я сошелъ съ лошади для опроса плѣнныхъ, она была украдена съ прикрѣпленною къ сѣдлу зрительною трубою, и прошло болѣе часу, пока ее отыскиали. Я приво-

жу это, какъ примѣръ упадка дисциплины въ нашей арміи, что ощущалось при всѣхъ нашихъ движеніяхъ, равно какъ и недостатокъ рутины со стороны начальствующихъ лицъ, которыя, если только не были увлекаемы военнымъ порывомъ, обыкновенно выказывали недостатокъ энергіи; они какъ бы имѣли предчувствіе или даже убѣжденіе, что всѣ ихъ усилія будутъ напрасны. Благодаря вышеупомянутымъ обстоятельствамъ, отрядъ 6-го корпуса, слѣдовавшій по старой Калушинской дорогѣ, не только не былъ атакованъ, но имѣлъ еще возможность, прибывъ въ Калушинъ, взять во флангъ нашъ авангардъ, во время наступленія его по шоссе, и принудить его остановиться. Пройдя Калушинъ произошла еще незначительная стычка, и мы преслѣдовали непріятеля до Костржина.

Послѣдствія показали, что можно было преслѣдовать непріятеля и въ слѣдующіе дни, и нанести новые явры, но въ ту минуту казалось рискованнымъ черезъ чуръ выдаваться впередъ. Мы не знали, на что рѣшится фельдмаршалъ. Въ случаѣ переправы его чрезъ Вислу, онъ могъ быть на четвертый день въ Пясечно, такъ что и мы должны были быть въ готовности имѣть возможность въ тотъ же срокъ также прибыть туда со всѣми силами. Во-вторыхъ, фельдмаршалъ могъ двинуться чрезъ Желеховъ, Сеницу на Минскъ, и отрѣзать насъ

отъ Варшавы, что и считалось весьма возможнымъ, такъ какъ первый планъ былъ слишкомъ рискованъ. Скаржинскій былъ посланъ въ Гарволницъ, для наблюденія за движеніями непріятеля противъ нашего праваго фланга. Продвинскій предложилъ Скржинецкому оставить предъ 6-мъ корпусомъ одни легкія войска, и тѣмъ замаскировать движеніе главныхъ силъ на Желеховъ, съ цѣлью, спустя 5 или 6 дней послѣ битвы при Дембе, дать сраженіе Дибичу. Но Скржинецкій уже принялъ тогда за правило выжидать случая, ни на что не рѣшаться, ожидать всего отъ чужестраннаго имѣшательства, и полагалъ все въ выигрышъ времени. Правда, что проигранное сраженіе между Желеховымъ и Рыками, при состояніи дорогъ въ то время года, давало намъ мало надежды на спасеніе. Но и русская армія была не въ лучшемъ положеніи; она не имѣла другаго отступленія, какъ въ тылу своего праваго фланга, на лѣвый берегъ Вепржа. Вѣроятно случай рѣшилъ бы все, ибо хотя мы и имѣли бы нѣсколькими тысячами человѣкъ менѣе, но духъ нашихъ войскъ, вслѣдствіе послѣднихъ успѣховъ, былъ превосходный, и при искусномъ дѣйствіи съ нашей стороны, русской арміи не помогло бы превосходство въ числѣ орудій; маневрировать съ артиллерією по болотистой почвѣ было бы чрезвычайно трудно, и исходъ сра-

женія должна была рѣшиться пѣхота. Но Скаржинскій не согласился съ этими доводами. Только я былъ посланъ 21 марта (2 апр.) съ 6 ротами пѣхоты, 4 эскадронами и 4 орудіями изъ Калущина чрезъ Куфелевъ въ Сточекъ. Изъ Сточека я направился чрезъ Зволю въ Мысловъ, чтобы обойти Желеховъ, который съ фронта долженъ былъ атаковать Скаржинскій по Гарволинской дорогѣ. Узнавъ, что русскіе имѣютъ значительныя силы въ Желеховѣ, и опасаясь быть окруженнымъ позади Ярчева (что могло случиться тѣмъ легче, что я уже находился вблизи русской арміи) я повернулъ назадъ, чтобы войти въ связь съ Скаржинскимъ и атаковать Желеховъ съ фронта. Этимъ я не только удвоивалъ свои силы, но и обезпечивалъ себя отступленіе, если бы мы, чего я опасался, были слишкомъ слабы. Слѣдуя къ Желехову, мнѣ пришлось проходить у Вильчнски по весьма плохой плотинѣ. Я полагалъ найти другую дорогу для отступленія, и замѣтилъ свою ошибку только выйдя изъ лѣсу, смѣшавъ эту дорогу съ нанесенною на картѣ. Я увидѣлъ себя отдѣленнымъ отъ Скаржинскаго болотомъ, простиравшимся до Желехова, не имѣя другаго отступленія какъ пройденную мною плотину. Однакожъ я двинулся впередъ, занялъ Желеховъ и выстроилъ свои силы позади сего города въ пушечнаго выстрѣла русскихъ войскъ, которыя, въ числѣ

6 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 16 орудій, также развернулись; были ли войска и во второй линіи, этого я не могъ видѣть. Скаржинскій занялъ позицію по другую сторону болота. Я думалъ, что меня атакуютъ, но русскіе не трогались, вслѣдствіе ли того, что они полагали, что у Мыслова еще скрываются войска, или по какимъ либо другимъ причинамъ. Полудня прошло въ перестрѣлкѣ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія ночи, и какъ только стемнѣло, Скаржинскій потянулся къ Мясткову-Косцельнѣ, а я съ своимъ отрядомъ къ Зволѣ. Только послѣ полуночи удалось мнѣ пройти упомянутую выше плотину. Слѣдующіе дни мы оставались въ нашей позиціи. Получивъ извѣстіе, что русская армія приближается, и что расположенный у Гарволина эскадронъ опрокинутъ, мы въ ночь отошли за Свидръ.

Между тѣмъ Скаржинецкій, оставивъ Лубенскаго съ уланскою дивизією и 4 баталіонами за Костражиномъ, рѣшился расположиться позади Свидра, чтобы вступить въ бой съ Дибичемъ—если онъ вознамѣрится атаковать. Но какъ атаки не послѣдовало, то Прондзинскій предложилъ, напасть на русскія войска, находившіяся между Костражиномъ и Мухавцомъ. Хотя это движеніе мало обѣщало и насъ самихъ подвергало опасности, я не возражалъ противъ него, чтобы только не оставаться въ бездѣйствіи. 17

баталіоновъ и 20 эскадроновъ послѣ полудня выступили изъ позиціи у Латовичъ и двинулись на Ерусалемъ, и на почъ расположились между Водыне и Луковцомъ. Наши войска были наблюдаемы русскою кавалеріею, находившеюся передъ Серочинымъ, и какъ они тянулись по проселочной дорогѣ, то могли казаться многочисленнѣе, нежели были въ дѣйствительности, представляя весьма растянутую колонну. Въ часть ночи Прондзинскій двинулся съ 10 баталіонами, 8 эскадронами и 12 орудіями къ Жебраку. Въ 8 часовъ утра я дебушировалъ чрезъ Луковецъ и Водыне съ 4 баталіонами, 11 эскадронами и 8 орудіями къ Серочину, оставивъ 3 баталіона, 1 эскадронъ и 4 орудія у Водыне въ резервъ. Русская кавалерія потянулась чрезъ Ружу въ Доманице, а часть ея обратилась на Луковъ. Я занялъ Ружу и увѣдомилъ Скржинецкаго и Прондзинскаго, что первый корпусъ, подлѣ котораго шли мои патрули, двигается къ Лукову а оттуда долженъ направиться къ Седльце. Я провелъ весь день въ Ружѣ. Въ ночь, хотя я не получилъ ни приказанія, ни извѣстія объ исходѣ сраженія, я двинулся къ Водыне, предполагая, что отступление Прондзинскаго чрезъ шоссе уже должно быть обезпечено, и вполнѣ сознавая, на сколько было бы опасно, оставаться изолированнымъ, въ то время, когда вся русская армія двигалась въ этомъ направленіи. На слѣ-

дующее утро я покинул Водыне и направился на Куфлевъ.

Послѣ сраженія при Иганс, въ одномъ изъ полковъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, а именно въ 5-мъ, впервые показалась холера. Впрочемъ, она не производила большихъ опустошеній, и во время наибольшаго ея разгара, число больныхъ не превышало 4,000 человекъ.

Когда фельдмаршалъ со своею арміею расположился у Седльце, мы эшелонировали наши главные силы на шоссе. Лубенскій командовалъ авангардомъ у Костржива, 3-я дивизія была расположена у Минска, другая же въ Калущинѣ, имѣя небольшіе отряды въ Куфлевѣ и Латовичѣ и болѣе значительный отрядъ изъ 5 баталіоновъ, 10 эскадроновъ и 16 орудій въ Ливѣ, подъ начальствомъ Уминскаго, возвратившагося съ праваго берега Нарева.

У Потыча былъ наведенъ мостъ и Пацъ съ 2 баталіонами 4-го полка, 8 эскадронами и 6 орудіями переправился чрезъ Вислу, съ цѣлью протянуть нашъ правый флангъ до Вепржа. Слѣдовательно, нашъ базисъ простирался отъ Модлина до Потыча. Въ это время у Скржинецкаго родилась мысль вступить въ бой только въ Гроховской позиціи. Тщетно опровергалъ я это мнѣніе; тогда я предложилъ укрѣпить эту позицію. Возведено было нѣсколько укрѣпленій, но дурно трасированныхъ и дурно сооруженныхъ.

Мы были во время предувѣдомлены о движеніи фельдмаршала къ Водыне. Обозрѣвъ позицію у Куфлева, я предложилъ расположиться въ ней съ тремя пѣхотными и одною кавалерійскою дивизіями, оставивъ одну пѣхотную и одну кавалерійскую дивизіи у Костржина. Позиція казалась мнѣ весьма выгодною, подлежало только возвести батарею въ 60 орудій между двумя лѣсами, одну пѣхотную дивизію расположить лѣвѣе, другую правѣе, а 3-ю съ кавалерією въ резервъ. Въ этой позиціи мы были бы почти совершенно скрыты и русскія батареи, за исключеніемъ можетъ быть 8 орудій, по свойству мѣстности, не могли быть вовсе выставлены, или выставлены весьма невыгоднымъ образомъ. Дѣйствіе пѣхоты должно было ограничиться только перестрѣлкою въ лѣсахъ, борьба, превосходство въ которой въ то время, было еще на сторонѣ нашихъ солдатъ. Сверхъ того, мы имѣли нашу линію отступленія за центромъ, въ то время какъ русскіе сражались бы имѣя въ тылу болото, а линія отступленія ихъ находилась бы на крайнемъ лѣвомъ флангѣ и пролегла бы по единственной дурной плотинѣ. Всѣ эти основанія не могли поколебать рѣшенія Скржинецкаго, и онъ приказалъ отступать. Только отрядъ изъ 2 баталіоновъ, 4 эскадроновъ и 4 орудій, подъ начальствомъ Дембинскаго, имѣлъ дѣло съ авангардомъ русскихъ. При этомъ случаѣ я

имѣлъ весьма рѣзкое объясненіе съ Скржинецкимъ, что вѣроятно и побудило его, нѣсколько времени спустя, согласиться на то, чтобы я покинулъ армію. На другой день послѣ дѣла у Куплева, 2-я дивизія, составлявшая арріергардъ, имѣла стычку съ непріятельскимъ авангардомъ въ Минскѣ. Я оставилъ поле битвы еще до окончанія сраженія, чтобы расположить войска, которыя должны были занять позицію у Дембе. Скржинецкій и главная квартира отправились въ Милосну, а я остался въ Дембѣ съ 15 батал. 20 эскадр. и 44 орудіями. Я имѣлъ намѣреніе покинуть эту позицію только въ самомъ крайнемъ случаѣ; но я не былъ атакованъ. Дибичъ отступилъ за Костржинъ удерживая на лѣвомъ берегу только Суху. Я послѣдовалъ за нимъ въ Калущинъ и мои аванпосты дошли до Грошекъ и Тржебуши. Уминскій возвратился въ Зимна-воды, а главная квартира перешла въ Руду, и нѣсколько дней спустя въ Ендржевъ.

Въ это самое время происходило дѣло Сѣравскаго у Вронова и Казимержа. Понесенный имъ уронъ нужно приписать тому обстоятельству, что Сѣравскій обманывался относительно достоинства своихъ войскъ. Если бы онъ, возвратившись вечеромъ въ Казимержъ, тотчасъ приступилъ бы къ переправѣ черезъ Вислу, то окончилъ бы ее непременно до 10 часовъ слѣдующаго утра. Онъ же хотѣлъ оборонять Казимержъ,

и переимѣнилъ свое намѣреніе, и приказалъ своимъ войскамъ переходить на лѣвый берегъ уже тогда, когда показались русскія войска. Послѣ этого Дзеконскій смѣнилъ Стравскаго.

Вслѣдъ затѣмъ между Скржинецкимъ, мною и Прондзинскимъ рѣшенъ былъ планъ экспедиціи противъ гвардіи. Мы все настаивали на приведеніи его въ исполненіе, одинъ Скржинецкій колебался. Отрядъ изъ 3 баталіоновъ, 6 эскадроновъ и 6 орудій, подъ начальствомъ Левиискаго, былъ посланъ на правый берегъ Нарева, чтобы мало по малу подготовить гвардію къ появленію нашихъ войскъ съ этой стороны. 20 апрѣля (2 мая) вся пѣхота была реорганизована и раздѣлена на 5 дивизій, при чемъ было присоединено нѣсколько вновь сформированныхъ полковъ.

1-я дивизія была составлена изъ 1, 5, 2 и 12 линейныхъ полковъ (Рыбинскій).

2-я дивизія изъ 2 и 4 пѣшихъ егерскихъ и 7 и 19 линейныхъ полковъ (Гелгудъ).

3-я дивизія изъ 4 и 8 линейныхъ, 5 пѣшаго егерскаго и 20 линейнаго полковъ (Мадаховскій).

4-я дивизія изъ Гренадерскаго, 15 линейнаго и 1 и 3 егерскихъ полковъ (Мюльбергъ).

5-я дивизія изъ 3, 14, 6 полковъ, и Ветерановъ (Каминскій).

Начальникомъ 5-й дивизіи былъ назначенъ

Каминскій, въ прочихъ же остались прежніе командиры. Нѣсколько дней спустя, взявъ 1-го и 5-го линейныхъ полковъ, отпавленныхъ со мною, въ 1-ю дивизію перевели 16-й линейный и 1-й егерскій полки; 1-й же егерскій полкъ въ 4-й дивизіи замѣнили 13-мъ линейнымъ полкомъ, такъ что въ рядахъ находилось 8 вновь сформированныхъ полковъ. Эти полки имѣли только по 2 баталіона, 3-ьи баталіоны комплектовались вновь набранными рекрутами.

Отъ Дверницкаго изъ Порецка получено было извѣстіе, въ которомъ онъ между прочимъ сообщалъ, что онъ намѣревается двинуться вдоль границы. Я былъ того мнѣнія, что Дверницкій идетъ на явную погибель и что для спасенія его нужно немедленно отправить отрядъ, и тѣмъ болѣе, что отрядъ этотъ, находясь около Замосця, будетъ препятствовать русскимъ перенравиться чрезъ верхнюю Вислу, что не можетъ исполнить совершенно деморализованный отрядъ Дзеконскаго. Такъ какъ я весьма часто отлучался изъ главной квартиры, то и не знаю, слѣдовалъ ли Дверницкій, двигаясь вдоль границы, даннымъ ему инструкціямъ, или исполнилъ это по собственному усмотрѣнію. Достоверно только то, что Скржинецкій и Прондзинскій раздѣляли тогда мое мнѣніе объ ошибочности его марша, какъ и о необходимости послать ему помощь; но они полагали, что этому вспомогательному отряду бу-

детъ весьма трудно пробраться до Замосця. Какъ я утверждалъ противное, то Скржинецкій, на слѣдующій день, предложилъ мнѣ принять начальство надъ нимъ. Я не могъ отказаться, и двинулся съ 7 баталіонами (въ числѣ коихъ 1 баталіонъ вольныхъ стрѣлковъ) 8 эскадр. и 10 орудіями, сперва по направленію на Рыки, но узнавъ, что генераль Крейцъ находится въ Гарбовѣ и въ Куровѣ, и опасаясь, если я останусь въ этомъ направленіи, быть притиснутымъ къ Вислѣ, я обратился влѣво и двинулся на Коцкъ. Въ день прибытія моего въ этотъ пунктъ, изъ него выступили 1 пѣхотная и 1 кавалерійская дивизіи (*) и двинулись на Каміонку.

Захваченные мною плѣнные сообщили мнѣ о катастрофѣ, постигшей Дворницкаго; я послалъ въ главную квартиру спросить, долженъ ли я продолжать движеніе, такъ какъ главное основаніе, по которому оно было предпринято, болѣе не существуетъ. Получивъ приказаніе все таки слѣдовать къ Замосцю, въ надеждѣ что я соберу тамъ остатки войскъ Дворницкаго, я выступилъ къ Любартову, безъ всякаго намѣренія атаковать русскихъ у Каміонки, и разломалъ за собою мостъ чрезъ

(5) А именно, егерская бригада 24 дивизіи (47 и 48 егерскіе полки) и 2-я бригада 2-й конно-егерской дивизіи (Арзамаскій и Тираспольскій полки), посланные фельдмаршаломъ на усиленіе Крейца.

Вспржъ, чтобы не быть настигнутымъ войсками посланными изъ главной русской арміи. Пройдя Фирлей я былъ атакованъ при входѣ въ лѣсъ русскою пѣхотою. Незная, прибылъ ли уже генераль Крейцъ, и не имѣя сверхъ того никакого отступленія, я приказалъ своимъ войскамъ атаковать очертя голову, чтобы проложить себѣ путь, и также въ надеждѣ, удержаться до ночи въ лѣсу. Бригада генерала Фези была опрокинута; но какъ мнѣ не удалось опрокинуть и кавалерійскую бригаду расположенную по другую сторону лѣса, то я обратился къ Любартову. Вслѣдствіе весьма холоднаго вѣтра, я не хотѣлъ расположить войска бивуакомъ на возвышенной и открытой мѣстности, и приказалъ имъ стать у подошвы возвышенія. Самъ я провелъ ночь въ городѣ. Это была ошибка, которая могла обойтись мнѣ весьма дорого. Войска не только не заняли съ разсвѣтомъ слѣдующаго утра позиціи, но даже, когда я въ 4 часа прибылъ къ нимъ, вовсе не были готовы для какого либо движенія. Скаржинскій велѣлъ разсѣдлатъ лошадей, всѣ форпосты были сняты, и не было выслано патрулей. Я приказалъ приготовиться къ выступленію и, въ сопровожденіи одного офицера, поспѣшилъ на возвышенность. Сперва я встрѣтилъ русскій патруль, когда же прибылъ на вершину, то увидѣлъ весь отрядъ генерала Крейца, наступающій развернутымъ фронтомъ, и нахо-

дящійся на разстояніи не болѣе 1 $\frac{1}{2}$ пушечнаго выстрѣла. Я поспѣшилъ назадъ, принялъ все мѣры, и найдя осѣдлыми и взнузданными всего два эскадрона, приказалъ имъ слѣдовать за собою, и въ галопъ ринулся на встрѣчу русскимъ. Случай поблагопріятствовалъ мнѣ. Прибывъ на возвышенность, я очутился насупротивъ русской батареи, которая, полагая что я намѣреваюсь атаковать ее, остановилась, и начала стрѣлять. Примѣру ея послѣдовала вся линія. При этомъ былъ убитъ Хмелевскій, командиръ 4-го конно егерскаго полка; потеря для меня тѣмъ болѣе чувствительная, что онъ былъ лучший кавалерійскій офицеръ въ моемъ отрядѣ. Вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ прибыли 4 орудія, а русскіе съ своей стороны выставили вторую батарею. Началась кононада, и я потерялъ много людей, но далъ время изготovitься прочимъ войскамъ. Когда весь мой отрядъ былъ въ ружьѣ, я началъ отступать перемѣняя фронтъ. Только одна рота, не довольно скоро примкнувшая ко мнѣ, осталась въ саду монастыря, гдѣ спустя нѣсколько часовъ была взята въ плѣнъ. Генераль Крейцъ, полагавшій, что я намѣренъ отступить на главныя силы, маневрировалъ съ намѣрепіемъ, отрѣзать мнѣ путь къ Варшавѣ, я этимъ совершенно открылъ мнѣ доступъ въ Замосцье, пробраться куда было моею цѣлью. Сперва я думалъ направиться чрезъ Люблинъ, но узнавъ, что на

этомъ пути находится русскій отрядъ, я обратился на Лэичну, тѣмъ болѣе, что страна на правомъ берегу Вепржа лѣсиста, что менѣе подвергало меня опасности, быть атакованнымъ русскою кавалеріею генерала Крейца, далеко превосходившею числомъ бывшую при мнѣ. Хотя я былъ атакованъ при переходѣ чрезъ рѣку, но два удобно поставленныя орудія помогли мнѣ переправиться. Въ этотъ день я дошелъ до Спичи; выступивъ оттуда въ 2 часа ночи, я прошелъ Седлице, остановился въ Навловѣ, и слабо обезпokoиваемый казаками дошелъ до Застава. На слѣдующій день съ разсвѣтомъ я выступилъ къ Замосцю и уже миновалъ Избицу, когда въ нее вступилъ генералъ Давыдовъ. Давыдовъ преслѣдовалъ меня и у Старо-Замосця произошла стычка, въ которой я, по винѣ Скаржинскаго, понесъ нѣкоторый уронъ. Сдѣлавъ болѣе 120 верстъ въ 50 часовъ, я прибылъ въ Замосць, послѣ чего единственнымъ моимъ намѣреніемъ было снабдить этотъ пунктъ припасами. Вскорѣ послѣ этого меня оставилъ Ромарино, назначенный командиромъ отряда Дзеконскаго.

Въ это время была приведена въ исполненіе экспедиція противъ гвардіи, почему ближайшія подробности ея мнѣ не извѣстны. Она была предпринята съ четырьмя дивизіями пѣхоты и двумя дивизіями кавалеріи, такъ какъ 4-я пѣхотная и

1 кавалерійская дивизіи (то были войска сражавшіяся при Ендржеві) были оставлены подъ начальствомъ Уминскаго, для замаскированія этого движенія и прикрытія Варшавы. При этой экспедиціи не позаботились о заготовленіи жизненныхъ припасовъ, и сдѣлали ошибку откомандированіемъ Лубенскаго къ Нуру; если онъ имѣлъ цѣлью только наблюдать, то ему дали слишкомъ много войскъ, и слишкомъ мало, если онъ долженъ былъ вступить въ дѣло. Этими ослабили себя на главномъ пунктѣ, и сверхъ того все движеніе, главный успѣхъ котораго зависѣлъ отъ быстроты нападенія, было исполнено вяло. Поелѣдовавъ за гвардією до Тыкочина, и достигнувъ весьма незначительныхъ результатовъ, Скржинецкій, узнавъ о приближеніи Дибича, рѣшился отойти обратно на правый берегъ Нарева. Двѣ дивизіи переправились черезъ него при Остроленкѣ, третья двинулась на Ломжу и четвертая осталась передъ Остроленкою. Прикрываясь Наревомъ, рассчитывали имѣть возможность долгое время держаться противъ русскихъ и намѣревались оборонять укрѣпленную Ломжу, надѣясь, имѣя въ своей власти тѣть-де-понъ на лѣвомъ берегу, угрожать правому флангу Дибича, и воспрепятствовать ему двинуться на Рожанъ и Пултускъ. Весь этотъ планъ былъ уничтоженъ совершенно неожиданнымъ быстрымъ движеніемъ фельдмаршала. Ди-

визіи оставшаяся передъ Остроленкою, имѣла приказаніе, отойти ночью за Наревъ и сжечь мостъ. Но она была принуждена отступить, понеся большой уронъ, еще утромъ. Непріятель силою занялъ городъ и русскія войска одновременно съ нашими переправились по мосту. Никто не ожидалъ столь нечаяннаго нападенія, напротивъ все было въ полной безпечности. При размѣщеніи войскъ имѣлось въ виду только удобство расположенія, и они имѣли приказаніе обмыться и очиститься. Многіе солдаты купались, лошади были разсѣданы, орудія не запряжены, однимъ словомъ, были застигнуты въ распложъ. Скржинецкій выказалъ много личной храбрости, и самъ водилъ войска противъ русскихъ колоннъ, какъ только онѣ переправлялись чрезъ мостъ. Ему удалось удержать ихъ, но онъ не могъ отбросить ихъ обратно за Наревъ, и какъ ему оставалось мало надежды удержаться на слѣдующій день въ своей позиціи, то онъ еще вечеромъ послалъ приказаніе Гелгуду, чтобы не быть отрѣзаннымъ, броситься въ Литву. Ночью началось носѣвшіе отступление, скоро превратившееся въ бѣгство. Почти вся армія разсѣялась (en débandade.) 1-я дивизія, составлявшая арріергардъ, имѣла подъ ружьемъ едва 400 чел. По счастью мы не были преслѣдуемы, и не смотря на это, мы остановились только подъ стѣнами самой

Варшавы. Матеріальный уронъ при Остроленкѣ былъ ровень съ обѣихъ сторонъ, и даже можетъ быть убитыми и ранеными мы имѣли меньше русскихъ (*), но нравственное вліяніе было совершенно не въ нашу пользу. Армія потеряла довѣріе къ своимъ предводителямъ, а Скржинецкій, лишившись увѣренности въ самомъ себѣ, пересталъ полагаться на солдата. Назначивъ Варшаву, вмѣсто Модлина, пунктомъ сосредоточенія арміи, онъ увеличилъ пагубныя послѣдствія битвы. Убѣжденный въ невозможности сопротивляться долѣе, и въ необходимости во что бы то ни стало искать примиренія, онъ долженъ былъ начать съ удаленія изъ правленія всѣхъ пылкихъ головъ, не хотѣвшихъ видѣть настоящаго положенія дѣлъ. Это не удалось ему, и онъ только этою попыткою возбудилъ противъ себя всѣхъ сумасбродовъ въ городѣ и въ сеймѣ, равно и клубистовъ, вошедшихъ въ сношенія съ субалтернъ-офицерами, и достигнувшихъ того, что всѣ отшатнулись отъ Скржинецкаго. Личная ненависть (Круковецкій и пр.) не мало содѣйствовала сему. Поэтому, хотя послѣ 15 дней полки были укомплектованы, во-

(*) Авторъ ошибается, матеріальный уронъ у поляковъ былъ несравненно болѣе, вслѣдствіе невыгодной позиціи, въ которой они сражались, обстрѣливаемые большою батареею съ лѣваго берега Нарева. Пр. Изд.

оружены и организованы, они всетаки не имѣли болѣе того единства и единодушія, которыя составляютъ главную силу арміи. Скржинецкій отрѣшилъ генерала Круковецкаго отъ должности главнаго начальника города и удалилъ Уминскаго. Но онъ не имѣлъ достаточно характера совершенно уничтожить ихъ и приказать, для поддержанія падающей дисциплины, разстрѣлять нѣсколькихъ офицеровъ. Не отваживаясь на новую рѣшительную встрѣчу съ русскою арміею, онъ возложилъ всю надежду на экспедицію Гелгуда въ Литвѣ. Гелгудъ былъ храбрый офицеръ и хорошій подчиненный, но совершенно неспособный къ самостоятельному дѣйствію. Присовокупимъ еще, что онъ и принялъ это назначеніе совершенно противъ воли; впрочемъ, при значительномъ числѣ войскъ, которыми русскіе располагали въ Литвѣ, и всякій другой точно также не имѣлъ бы удачи. Превозносимый до небесъ Дверницкій, за то что спасся въ Галицію, подалъ пагубный примѣръ, указавъ столь легкій путь къ славѣ. Мнѣ также дано было приказаніе вступить на Волынь— на это предпріятіе взирали какъ на второй спасительный якорь; но я отклонилъ это предложеніе, представивъ, что мнѣ невозможно бороться съ 6,000 чел. противъ двухъ дивизій, которыя мнѣ могъ противопоставить генераль Кайсаровъ при вступленіи моемъ на Волынь. Я при-

совокупилъ, что если генералъ Ридигеръ выйдетъ противъ меня отрядъ, то я буду совершенно окруженъ и принужденъ перейти въ Галицію, что конечно не было заманчиво. Я считалъ, что экспедиція на Волынь возможна только тогда, когда корпусъ Ридигера будетъ уничтоженъ, а мой отрядъ усиленъ до 12—14,000 чел. Вслѣдствіе этого тотчасъ была рѣшена экспедиція противъ корпуса Ридигера, а мнѣ обѣщаны недостающія 8,000 человекъ. Между тѣмъ, помянутое предпріятіе противъ Ридигера, должноствовавшее, по числу употребленныхъ для этой цѣли силъ, имѣть неминуемый успѣхъ, совершенно не удалось. Янковскій сдѣлалъ большую ошибку, раздробивъ свои силы и назначивъ пунктъ соединенія войскъ вблизи отъ корпуса Ридигера. Послѣ пораженія онъ былъ еще достаточно силенъ, чтобы загладить свою ошибку; но въ это время, въ предположеніи, что онъ разбилъ Ридигера, ему было дано предписаніе изъ главной квартиры, отступить на Польшу, а оттуда на Варшаву, чтобы прикрыть ее. Этотъ панический страхъ былъ слѣдствіемъ ложнаго донесенія Амвросія Скаржинскаго, будто русская армія переправилась уже черезъ Наревъ у Сѣроцка. Его ввела въ заблужденіе демонстрація, сдѣланная командовавшимъ въ то время русскою арміею гр. Толемъ. Янковскій, не имѣвшій достаточно характера рѣшиться на

что либо, созвалъ военный совѣтъ, на которомъ мнѣніе, тотчасъ возвратиться назадъ, одержало верхъ. Для содѣйствія экспедиціи Янковскаго, я выступилъ изъ Замосця и направилъ ся къ Вислѣ, чтобы очистить край отъ русскихъ партій и открыть путь для транспорта 26 крепостныхъ орудій, посланныхъ мною изъ Замосця въ Варшаву для усиленія тамошней артиллеріи. Затѣмъ я обратился на Криспостовъ. Но, какъ я не видѣлъ на Хелмской дорогѣ никакого движенія, которое указывало бы на отступленіе, то я дошелъ до Пясковъ, чтобы, если Ридигеръ будетъ отступать чрезъ Люблинъ, преградить ему этотъ путь, или предупредить его у Лэнчны, въ случаѣ ежели онъ захочетъ выйти на Влодавскую дорогу. Въ обѣихъ случаяхъ я полагалъ, имѣя 8 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 10 орудій, задержать на столько Ридигера, чтобы дать время подойти Янковскому, который долженъ былъ слѣдовать за нимъ по пятамъ. Письмо русскаго офицера къ своей женѣ, перехваченное мною въ Пяскахъ, въ которомъ онъ приглашалъ ее прибыть въ Люблинъ, гдѣ уже небудетъ поляковъ, заставило меня предполагать, хотя болѣе не было никакихъ подробностей, что Янковскій разбитъ. Вскорѣ затѣмъ я узналъ, что Ридигеръ слѣдуетъ изъ Любартова въ Лэнчну, имѣя обозъ за собою, а не въ головѣ колонны. Это удостовѣрило меня, что

Ридигеръ не преслѣдуется Янковскимъ, и что пора подумать о своей собственной безопасности. Я легко могъ возвратиться чрезъ Золкевку въ Замосцье, но я опасался, чтобы артиллерія, имѣвшая слабое прикрытіе, не попала бы при переправѣ чрезъ Вислу въ руки русскимъ. Это несомнѣнно дало бы поводъ утверждать, что я продалъ ее неприятелю. Поэтому я предпочелъ, броситься въ Люблинъ, съ цѣлью притянуть за собою корпусъ Ридигера, и тѣмъ сколько возможно отдалить его отъ транспорта съ артиллеріею. Вечеромъ я выступилъ къ Вержхавискѣ. Давъ войскамъ нѣсколько часовъ отдыха, я продолжалъ движеніе и прибылъ въ Люблинъ между 6 и 7 часами утра. Я тотчасъ послалъ двухъ офицеровъ для поднятія нѣсколькихъ судовъ въ Голомбъ и устройства моста въ этомъ пунктѣ. Русскій авангардъ, состоявшій изъ кавалеріи, прибылъ около 3-хъ часовъ пополудни. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся до 6 часовъ вечера. Перѣшаясь пройти въ виду многочисленной кавалеріи открытую мѣстность простиравшуюся отъ Люблина до Вислы, я выступилъ только ночью, и на другое утро въ 9 часовъ, пройдя 42 версты, находился уже въ лѣсу правѣ Конской-Воды. Тамъ я узналъ что въ 3 часа пополудни семь судовъ будутъ въ Голомбѣ, и что тамъ дѣлаются приготовленія къ устройству моста. Около

6 часовъ я продолжалъ свое движеніе къ Голумбу, тревожимый только казаками. Въ 4 часа утра мостъ былъ готовъ, и я немедленно началъ переправляться, частью въ бродъ, частью по мосту. Въ 8 часовъ перешелъ мой аррьергардъ, и только тогда показались русскія колонны; но я уже былъ внѣ опасности, и тотчасъ приказалъ оттянуть часть моста. Около 14 дней я оставался въ Гневашовѣ, наблюдая Вислу небольшими отрядами до самаго Завихоста.

Неудачи отряда Янковскаго, и усиленные марши, дѣлаемые всею арміею, подѣйствовали весьма пагубно на духъ войскъ. Не смотря на это Скржинецкій, съ 3 дивизіями пѣхоты и 2 дивизіями кавалеріи отправился въ Модлинъ, съ цѣлью дѣйствовать противъ русской арміи, какъ только она предприметъ фланговое движеніе отъ Пултуска къ нижней Вислѣ. Миѣ былъ официально сообщенъ этотъ планъ, и въ то же время дано приказаніе, принять начальство надъ войсками, которыя останутся между Бугомъ и Вепржомъ, для прикрытія Варшавы съ этой стороны, и воспрепятствованія генералу Ридигеру переправиться чрезъ Вислу. Я не знаю причинъ, побудившихъ Скржинецкаго измѣнить свое намѣреніе. Онъ остался въ Модлинѣ ничего не дѣлая и скоро вернулся въ Варшаву, ограничившись приказаніемъ 1 дивизи-

зии пѣхоты и 1 кавалеріи, наблюдать за фланговымъ движеніемъ русской арміи.

Оставленные между Бугомъ и Вепржомъ войска состояли изъ 1-й пѣхотной дивизіи Рыбинскаго съ 14 эскадронами въ Игане, и изъ дивизіи Ромарино, бывшаго отряда Стравскаго, кромѣ 22 полка, замѣненнаго 5 линейнымъ полкомъ. Я велъ съ собою изъ Гисвашова 1-й линейный полкъ, 8 эскадроновъ и 8 орудій, оставивъ на верхней Вислѣ подъ начальствомъ Шептицкаго 22 линейный полкъ, 1 баталіонъ Подольцевъ и 1 вольныхъ егерей, и 2 эскадрона Волынцевъ съ 4-мя четырехъ фунтовыми орудіями. У Потыча я переправился чрезъ Вислу. Ромарино и Рыбинскій дѣйствовали отдѣльно, первый на шоссе, второй въ Желеховѣ. Вслѣдствіи Ромарино приблизился къ шоссе, не соединяясь однако съ Рыбинскимъ. Передъ самымъ моимъ прибытіемъ, Рыбинскій былъ прогнанъ Головинымъ изъ Калущина и отступилъ въ Дембе. Въ тоже время Ромарино былъ принужденъ очистить Сенницу и отойти къ Глинянкѣ. Тотчасъ по прибытіи, я приказалъ Рыбинскому, выступить 1 (13) іюля въ 4 часа пополудни, остановиться со своимъ отрядомъ въ лѣсу по сю сторону Стоядле, и въ 6 часовъ вечера атаковать авангардомъ Минскъ. Въ 4 часа я выступилъ съ дивизіею Ромарино изъ Глинянки и направился чрезъ Руду на шоссе,

вслѣдъ за дивизією Рыбинскаго. Будучи уполномо-
ченъ вступить въ битву, и считая, что
Головинъ имѣетъ отъ 12 до 15,000 ч., я сосре-
доточилъ свои силы и, чтобы замаскировать ихъ,
расположился въ лѣсу. На слѣдующее утро въ
5 часовъ, мой авангардъ, расположенный въ Мин-
скѣ, былъ атакованъ, равно какъ и посты, выстав-
ленные лѣвѣ и правѣ, причемъ авангардъ,
вслѣдствіе нерадѣнія начальствовавшего офицера
(полковника Генриха Малаховскаго) былъ уничто-
женъ. Этотъ маневръ дважды удавался Головину,
но, рѣшившись на этотъ разъ сразиться, я прика-
залъ войскамъ наступать къ Стоядце. Видя не-
значительное число русскихъ войскъ на шоссе,
я предположилъ что они ведутъ главную атаку
по старой Калужинской дорогѣ, и тотчасъ на-
правилъ туда подъ начальствомъ Ягмина 5 ба-
тalionовъ и 8 эскадроновъ. Я самъ отправился
къ этимъ войскамъ, и скоро могъ убѣдиться, что
непріятельскій отрядъ, атаковавшій нашъ лѣвый
флангъ, также весьма слабъ, и что вообще, си-
лы Головина далеко не такъ значительны,
какъ я предполагалъ. Поручивъ Ягмину уни-
чтожить отрядъ на старой дорогѣ, самъ я воз-
вратился въ Минскъ, откуда дебушировалъ съ
10 батalionами и 14 эскадронами. Атака была
отбита, но все же 2 баталіона русскихъ были
отрѣзаны, и были бы взяты въ плѣнъ, если бы
кавалерія исполнила свой долгъ. Я предоста-

вилъ Ромарино дѣйствовать съ 6 баталіонами и 6 эскадронами противъ непріятеля атаковавшаго мой правый флангъ, а самъ двинулся впередъ по шоссе. Узнавъ что Ягминъ упустилъ отрядъ противъ котораго онъ долженъ былъ дѣйствовать, я приказалъ ему идти въ Калущинъ, и чтобы дать ему время прибыть, наторонясь наступалъ по шоссе. Въ Енджевъ я получилъ допесеніе Ягмина, что онъ дошелъ до Калущина, но не занялъ города. Тогда я смѣло атаковалъ войска на шоссе, въ то время какъ Ягминъ ударилъ имъ во флангъ. На этотъ разъ войска дѣйствовали лучше и мы захватили нѣсколькихъ плѣнныхъ. Русскіе еще разъ устроились позади Калущина, гдѣ завязалась вторичная битва, изъ которой они однако вышли съ успѣхомъ. Я продолжалъ преслѣдованіе до Костржина. Ромарино устранился русскихъ патрулей, слѣдовавшихъ изъ Карчева въ Віонзовну и не выходилъ изъ Минска. Это сраженіе, въ которомъ я впервые замѣтилъ вялость (*mollasse*) съ которою наши войска шли въ битву, вселило мнѣ зловѣщее предчувствіе. Уже тогда можно было предвидѣть, что не будетъ возможности окончить борьбу съ честью.

Получивъ извѣстіе, что Ридигеръ приближается чрезъ Коцкъ, я двинулся на слѣдующій день въ Куфлевъ, оставивъ на шоссе только 1 эскадронъ. 4 (16) іюля прибылъ изъ Варшавы

Скржинецкій. Онъ сдѣлалъ два перехода къ Ружѣ и послалъ Ромарино съ 4 баталіонами и 8 эскадронами на рекогносцировку въ Коцкъ. Такъ какъ извѣстіе о маршѣ Ридигера чрезъ Коцкъ оказалась ложнымъ, то Ромарино скоро возвратился. Чтобы не оставаться въ полномъ бездѣйствіи, рѣшено было двинуться чрезъ Доманице въ Седльце, а же тѣмъ временемъ долженъ былъ наступать съ 5 баталіонами и 8 эскадронами чрезъ Бярды въ Збучинѣ, дабы отрѣзать Головину отступленіе. Но Головинъ во время былъ предувѣдомленъ о нашемъ планѣ и направился отъ Седльце на Морды, такъ что вся эта экспедиція, за исключеніемъ нѣсколькихъ захваченныхъ въ Збучинѣ плѣнныхъ, не имѣла никакихъ результатовъ. Возвратившись въ Седльце, я убѣдилъ Скржинецкаго, что, сдѣлавъ уже ошибку, не дебуннировавъ изъ Модлина во время фланговаго движенія русской арміи, экспедиція на правомъ берегу Вислы не поведетъ ни къ чему, и что теперь ничего болѣе не остается, какъ, не теряя времени, двинуться въ Нешаву. Я совѣтывалъ приказать слѣдовать по Вислѣ вслѣдъ за войсками судамъ, нагруженнымъ припасами, которые впоследствии могутъ пригодиться для устройства моста, и тѣмъ дать возможность, одновременно маневрировать на обоихъ берегахъ. Кромѣ того, намъ благопріятствовала бы лѣсистая мѣстность по лѣвому бе-

реку Вислы, какъ для отступленія, въ случаѣ ежели мы будемъ разбиты, такъ и для обороны края шагъ за шагомъ, ежели не захотимъ дать сраженія. Вслѣдъ за этимъ Скржинецкій уѣхалъ въ Варшаву.

Лубенскій (въ то время начальникъ штаба) и Прондзинскій не переставали убѣждать меня, двинуться противъ Ридигера. Я отвѣчалъ имъ, что Ридигеръ, имѣя открытый путь къ Устиугу, отступить къ этому пункту и соединившись съ Кайсаровымъ, будетъ достаточно силенъ чтобы сопротивляться мнѣ, и наконецъ, если бы не смотря на это, я бы и вторгнулся на Волинь, то тѣмъ вѣрнѣе было бы паденіе Варшавы, потому что обширныя укрѣпленія ея не могутъ быть обороняемы съ небольшимъ 20,000 человекъ остающимися въ арміи послѣ моего ухода. Не смотря на это, мнѣ продолжали надобѣдать, такъ что я, не желая содѣйствовать паденію Варшавы, потребовалъ наконецъ назначенія для этой экспедиціи другаго начальника. Согласно уговора съ Скржинецкимъ я началъ отступать къ Варшавѣ; мой отрядъ уже находился между Вавромъ и Милосной и я оставался въ Минскѣ съ однимъ арріергардомъ, какъ мои полки получили приказаніе прямо изъ главной квартиры, повернуть назадъ, а мнѣ предписали наступать къ Бялѣ, чтобы облегчить транспортъ 20,000 корцовъ хлѣба, заготовлен-

ныхъ въ этомъ пунктѣ. Я выступилъ къ Седльце, но тотчасъ же вошелъ съ представленіемъ, что если хлѣбъ дѣйствительно и находится въ Бялѣ, то все же nebude никакой возможности найти средства перевезти его. Я по сіе время не знаю основанія столь безтолковаго приказанія, единственною цѣлью котораго было удаленіе меня изъ Варшавы. Нѣсколько дней спустя я получилъ оффиціальное письмо отъ начальника штаба, Лубенскаго, которымъ онъ приглашалъ меня въ столицу, для военнаго совѣта, долженствовавшаго разсмотрѣть дѣйствія Скржинецкаго, и частное письмо отъ сего послѣдняго, въ которомъ онъ заклиналъ меня прибыть въ Варшаву. Въ этомъ военномъ совѣтѣ, партія противная Скржинецкому, не была довольно сильна или смѣла, чтобы провести проектъ подвергнуть разсмотрѣнію дѣйствія главнокомандующаго. Попытки сдѣланныя двумя или тремя лицами не имѣли успѣха, и большинство объявило себя противъ нихъ.

Очевидно было, что рѣшительный ударъ могъ быть нанесенъ намъ арміею главнокомандующаго, почему я считалъ необходимымъ предупредить этотъ ударъ, и со всѣми нашими силами двинуться противъ Паскевича. Планъ этотъ былъ принятъ и для выполненія его отданы приказанія. Но цѣлыхъ 10 дней были потеряны въ маршахъ и контрмаршахъ, и когда

мы прибыли въ Сохачевъ, то русская армія уже занимала Ловичъ. Скржинецкій прїѣхалъ въ Сохачевъ изъ Варшавы 21 Іюля (2 Августа). Выведенный изъ терпѣнія непрїятностями, которыя ему дѣлали его враги, онъ приказалъ тотчасъ же изготovitъ диспозицію, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день атаковать русскую армію, которую считалъ въ Рыбно. Получивъ приказанія касающіяся моей дивизіи, я ночью же отправился въ главную квартиру, и совѣтывалъ Скржинецкому отмѣнить свои распоряженія. Я сказалъ, что прежде нежели атаковать непрїятеля, нужно знать, гдѣ и какъ онъ расположенъ. Я полагалъ, что русская армія должна находиться не въ Рыбно, а въ Ловичѣ. Въ этомъ случаѣ движеніе на Рыбно привело бы насъ въ весьма затруднительное положеніе, ибо русская армія, или двинулась бы изъ Ловича прямо на Варшаву и, прибывъ туда ранѣе насъ, овладѣла бы ею безъ кровопролитія, употребивъ на это даже только часть своихъ войскъ, а остальными силами наблюдая за нами; или же встрѣтила бы насъ на лѣвомъ берегу Бзуры, и принудила бы къ битвѣ, въ которой мы имѣли бы линію отступленія на крайнемъ лѣвомъ флангѣ нашей позиціи. Если бы этотъ флангъ былъ разбитъ, армія была бы уничтожена.

Я присовокупилъ, что вѣроятно мы и во вся-

кой другой позиціи были бы разбиты, но крайней мѣрѣ тогда пораженіе не могло быть поставлено въ вину Скржипецкому; числительное превосходство русской арміи послужило бы ему извиненіемъ, между тѣмъ какъ безъ нужды поставивъ армію въ отчаянное положеніе, онъ будетъ отвѣтствовать передъ свѣтомъ и потомствомъ.

Такимъ образомъ мы остались съ 3 дивизіями пѣхоты и 3 дивизіями кавалеріи на Бзурѣ у Сохачева. Одна дивизія была выдвинута къ Козлово-Бискупіи, другая къ Жукову. Всѣ наши силы простирались до 32,000 чел. пѣхоты, 9,000 кавалеріи и 136 орудій. Рѣшено было принять сраженіе въ томъ случаѣ, еслибъ русская армія вознамѣрилась форсировать переправу чрезъ Бзуру. Это не исполнилось и не могло исполниться, потому что непріятель, занявъ Ловичъ, имѣлъ уже въ своихъ рукахъ переправу. Тогда предложенъ былъ вопросъ: не слѣдуетъ ли атаковать Ловичъ, съ лѣвой стороны Бзуры. Хотя нѣкоторые и были въ пользу этого мнѣнія, но какъ вблизи Ловича, на лѣвомъ берегу Бзуры, находятся открытыя пространства, удобныя для дѣйствія кавалеріи, и въ тоже время мы подвергались опасности, вслѣдствіе трудности отступленія, быть отрѣзанными отъ Варшавы, то предпочли отвести армію къ Равкѣ, оставивъ въ Сохачевѣ

подъ начальствомъ Рыбинскаго только бригаду пѣхоты и слабую бригаду кавалеріи. Со времени прибытія въ Сохачевъ, я перемѣнилъ тонъ, ибо я началъ взирать на вещи совершенно съ другой точки зрѣнія. Съ самаго начала революціи, я ни одной минуты не прельщалъ себя надеждами, и смотрѣлъ на наше дѣло какъ на дѣло отчаянія; поэтому и всегда подавалъ голосъ въ пользу самыхъ отважныхъ мѣръ, въ убѣжденіи, что только значительный усиліяхъ могъ спасти насъ. Но, какъ я предвидѣлъ теперь возможность мирнаго соглашенія, если только мы съ своей стороны будемъ взирать ясно на наше положеніе, то я старался препятствовать не только всякому рѣшительному сраженію, но даже всякой незначительной стычкѣ, могущей обнаружить нашу дѣйствительную слабость. Я надѣялся, что современемъ, самыя экзальтированныя головы сдѣлаются благоразумнѣе, но опытъ показалъ что я ошибался.

Мы занимали позицію на Равкѣ одною дивизіею пѣхоты расположенною въ Болимовѣ, подъ начальствомъ Ромарино, 3 бригадами пѣхоты и дивизіею кавалеріи подъ моимъ начальствомъ на нижней Равкѣ, и наконецъ 2 дивизіями пѣхоты и 2 дивизіями кавалеріи, въ резервъ позади Болимова. Лѣвѣе мы имѣли посты до Буда, а еще далѣе обезпечивали себя патрулями. Весь обозъ находился между Шимаповымъ и Каска-

ми и имѣлъ приказаніе, какъ только начнется канонада, отойти къ Блопе. Резервный паркъ былъ расположенъ въ Свенцице; дороги въ тылу позиціи чрезъ Шимановъ и чрезъ Вискитки и Гродзискъ были исправлены. Когда эти распоряженія были приведены въ исполненіе, мы ожидали нападенія, но видя, что русская армія не трогается, мы въ свою очередь намѣревались атаковать ее, въ ея позиціи. Рекогносцировка произведенная Ромарино къ сторонѣ Неборова, убѣдила насъ, что русская армія вступить въ битву только позади сего селенія. На военномъ совѣтѣ (состоявшемъ изъ всѣхъ генераловъ и полковыхъ командировъ) генералы подавали голосъ не руководимые убѣжденіемъ, а желаніемъ угодить ежедневно увеличивающемуся въ арміи числу резонеровъ. Разсмотрѣвъ все шансы предполагавшейся битвы, въ цѣломъ не весьма благоприятныя для насъ, я впервые высказалъ совѣтъ, окончить борьбу мирнымъ соглашеніемъ. Хотя внутренно, за исключеніемъ двухъ или трехъ лицъ, все раздѣляли мое мнѣніе, то все же объ этомъ ничего не хотѣли и слышать. Чтобы согласить мнѣнія, я предложилъ, въ день отпращиванія парламантера, произвести предуготовленное движеніе, и если условія будутъ чрезъ чуръ унижительны, не мѣшая атаковать русскую армію. Я утверждалъ, что если только серьезно принятыя, то возможно получить

согласіе войскъ на примиреніе, и что я ручаюсь за кавалерійскую и пѣхотную дивизіи, состоящія подъ моимъ начальствомъ. Все это не помогло, и я увлекся до такой степени, что сказалъ, что я недостаточно рассчитываю на войска, дабы надѣяться на побѣду. Это была истина, которую однако я недолеженъ былъ высказывать. Масса офицеровъ, привыкшая къ лести, и подуцаемая подчинёнными интригантами, приняла это выраженіе за обиду, въ особенности въ дивизіяхъ, небывшихъ подъ моимъ начальствомъ. Военный совѣтъ собирался три раза, а до битвы всетаки не дошло, слишкомъ мало было лицъ, искренно желавшихъ ее, тѣ же, которые дѣлали видъ, что желаютъ сразиться, были весьма довольны имѣть возможность сказать, что мое сопротивленіе воспрепятствовало осуществить битву.

Между тѣмъ интриги противъ Скржипецкаго возобновились съ новою силою. Его во что бы то ни стало хотѣли лишить главнаго начальства, не подумавъ даже, кѣмъ замѣнить его. Депутатія сейма и правленія, прибывъ въ Болимовъ, созвала всѣхъ генераловъ и начальниковъ отрядовъ. Тутъ же толпились субалтерные офицеры, преимущественно дивизій, бивуакировавшихъ вблизи города. То былъ настоящій скандалъ и субординаціи былъ нанесенъ здѣсь послѣдній ударъ. Только весьма немногіе рѣшились вы-

сказать свое истинное мнѣніе, такъ они были напуганы толпою, окружавшею залъ застѣданія, и угрожавшею смертію всѣмъ тѣмъ, которые будутъ говорить о примиреніи. Когда очередь высказаться дошла до меня, я представилъ состояніе нашей арміи, нашихъ вспомогательныхъ средствъ, нашихъ финансовъ, а равно и положеніе русской арміи, и изъ всего вывелъ заключеніе, что наша единственная надежда есть миръ, что битва должна быть для насъ актомъ отчаянія, если намъ будутъ предложены слишкомъ позорныя условія; что даже выигранное сраженіе не на долго продлитъ наше существованіе, и что дабы опять занять край до Буга, мы должны одержать покрайней мѣрѣ четыре побѣды; наконецъ, что какой бы ни былъ принятъ планъ, черезъ мѣсяцъ истощатся всѣ средства продолжать войну. Вѣроятно, всѣ болѣе или менѣе были моего мнѣнія, но не смотря на это, мое предложеніе о примиреніи было отвергнуто единодушно. Дембинскій, недавно вернувшійся изъ Литвы, и поэтому пользовавшійся большимъ расположеніемъ народа, былъ назначенъ временно-главнокомандующимъ, а Скриженецкій начальникомъ резервовъ.

Вопросъ о битвѣ былъ предложенъ еще разъ. Полагали двинуться на Сохачевъ и атаковать Ловичъ съ лѣваго берега Бзуры. Я сказалъ Дембинскому, что основанія, удержавшія отъ

этого предпріятія 14 дней тому назадъ, неизмѣнились, а напротивъ, получили еще большую силу, вслѣдствіе близости арміи фельдмаршала и нахожденія генерала Ридигера въ Радомѣ. Поэтому начертана была диспозиція къ битвѣ на правомъ берегу. Ромарино долженъ былъ атаковать Неборовъ, а я поддерживать его. По занятіи Неборова, войскамъ надлежало обратиться влѣво, чтобы атаковать правый флангъ русскихъ, я же долженъ былъ составлять правое крыло нашей арміи и удерживаться между Неборовымъ и Бзурою. Рыбинскій съ своей стороны, долженъ былъ содѣйствовать этимъ движеніямъ и произвести демонстрацію отъ Сохачева по шоссе на лѣвый берегъ. Получивъ приказаніе, я отправился въ главную квартиру и сказалъ, что такъ какъ высказанныя мною мнѣнія противорѣчатъ мнѣніямъ прочихъ, то я не могу принять возлагаемую на меня роль. Я убѣжденъ заранѣе, что съ 12 баталіонами, изъ коихъ 6 новаго формировація, и 20 эскадронами, въ которыхъ было едва 3,000 сабель, и 26 орудіями, я не буду въ состояніи удерживать открытое пространство между Неборовымъ и Бзурою, ибо, если наши выгоды требуютъ, ударить на правое крыло русскихъ, то также точно ихъ выгоды будутъ требовать, ударить на наше правое крыло. Весьма рискованное движеніе Рыбинскаго мало защититъ меня; пораженіе моихъ войскъ

неминуемо, и припишется моему измѣнѣ. Поэтому я требовалъ, чтобы меня назначили въ центръ, а на правомъ флангѣ меня замѣнили бы другимъ генераломъ, пользующимся довѣріемъ войскъ. Вслѣдствіе этого сраженіе было отложено.

Чтобы не оставлять войскъ въ совершенномъ бездѣйствіи, на что нибудь да надо было рѣшиться. Предпринято было обратное движеніе за Шимановъ, въ надеждѣ, напасть на головы колоннъ русскихъ, когда онѣ будутъ выходить изъ дефилеесей. Напрасно говорилъ я, что для несбыточной вещи жертвуютъ хорошею позиціею, и что наши войска не могутъ выполнить подобнаго маневра. Но меня не послушали, и дали мнѣ новое назначеніе—начальника всей кавалеріи. Первые пушечные выстрѣлы въ Шимановѣ заставили забыть начертанный планъ, и недолго думая отступить. Да и войска не были расположены такъ, какъ бы слѣдовало, чтобы исполнить подобный маневръ. Затѣмъ, имѣли намѣреніе держаться за ручьемъ Утритою, но извѣстіе о происшедшихъ въ Варшавѣ гнусностяхъ, заставило перемѣнить его. Армія потянулась къ Варшавѣ, пославъ впередъ 6 эскадроновъ кавалеріи съ 4 орудіями. Войска были расположены позади укрѣпленій, а главная квартира въ Чисте.

Прибывъ 4 (16) августа въ Чисте, я нашелъ

всѣхъ въ полномъ замѣшательствѣ. Этого же числа, въ присутствіи войскъ посланныхъ изъ арміи, совершенно было два убійства, и никто не предвидѣлъ этому конца. Говорили о спискѣ въ 200 лицъ, долженствовавшихъ быть повѣшенными, и я узналъ, что я былъ на немъ однимъ изъ первыхъ, за сдѣланное въ Болимовѣ предложеніе примиренія съ русскими. Готовились еще и другіе списки. Какъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, я вызвался вступить на слѣдующій день въ городъ, дабы возстановить порядокъ. Не разсчитывая на успѣхъ, мнѣ не хотѣли дозволить этого. Тогда я объявилъ, что тотъ кто желаетъ, можетъ дозволить себя вѣшать, что же касается до меня, то я не имѣю на то никакой охоты, и если мнѣ не дозволятъ возстановить спокойствіе въ городѣ, то мнѣ ничего болѣе не остается, какъ искать убѣжища въ русскомъ лагерѣ. Только тогда согласились на мое предложеніе. На слѣдующее утро, 5 (17) августа, въ 7 часовъ утра, я вступилъ въ городъ въ главѣ 1-го линейнаго и 1-го конноегерскаго полковъ съ 4 орудіями, войскъ, привыкшихъ повиноваться мнѣ. Прибывъ на Краковское предмѣстье, я убѣдился, что народъ вовсе не такъ страшенъ, какъ утверждали. Я желалъ только имѣть поводъ, сдѣлать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, и тутъ же на мѣстѣ произвести короткую расправу съ зачинщиками.

Такъ какъ мое желаніе не исполнялось, то я рѣшился, около 10 часовъ, приказать схватить главныхъ предводителей и поджигателей, гордо расхаживавшихъ въ толпѣ. Я началъ съ Пулавскаго, а потомъ велѣлъ арестовать и другихъ. Они скоро перешли отъ надменности къ страху. Такъ какъ правленіе разошлось, то я предложилъ Скрипицекому принять верховную власть, но онъ не согласился на это. То же предложенію я сдѣлалъ Дембинскому, и совѣтывалъ тотчасъ приказать казнить всѣхъ виновныхъ. Я хотѣлъ повѣсить ихъ подъ самыми окнами зала, въ которомъ сеймъ имѣлъ засѣданіе, увидя что, онъ, безъ сомнѣнія, объятый страхомъ, немедленно разбѣялся бы. Дембинскій согласился, но полъ часа спустя измѣнилъ свое рѣшеніе, и изъявилъ желаніе, чтобы власть была передана ему сеймомъ. Я пріостановилъ исполненіе приговора, будучи убѣжденъ, что оно приведетъ только меня самого на фонарный столбъ. Дембинскій обманулся въ своемъ ожиданіи. Сеймъ вручилъ верховную власть Круковецкому и назначилъ меня губернаторомъ города, Малаховскаго главнокомандующимъ, Левинскаго начальникомъ главнаго штаба и Прондзинскаго генераль-квартирмейстеромъ.

Армія была вновь организована и раздѣлена на нѣсколько корпусовъ. Корпусъ Уминскаго состоялъ изъ 1-й и 4-й пѣхотныхъ и 1-й кавалерій-

ской дивизіи съ 30 орудіями. 2, 12, 15 линейные и 1-й пѣшій егерскій полки составляли 1-ю дивизію; полкъ гренадеръ, 13 и 23 линейные и 3 пѣшій егерскій полки—4 дивизію.

Корпусъ Дембинскаго состоялъ изъ 3-й пѣхотной дивизіи (4, 8, 10 линейные, Ветераны и 5 пѣшій егерскій полки, подъ начальствомъ Богуславскаго) и кавалерійской бригады съ 12 орудіями.

Корпусъ Ромарино былъ составленъ изъ 5-й и 6-й пѣхотныхъ и 3-й кавалерійской дивизіи съ 42 орудіями, 5-я дивизія подъ начальствомъ Сѣрavsкаго состояла изъ 3, 6, 20 и 21 линейныхъ полковъ и 4-го баталіона 2-го линейнаго полка; а 6-я дивизія подъ начальствомъ Ыѣлинскаго, состояла изъ 1, 17, 5, 11 линейныхъ полковъ и 1 баталіона вольныхъ стрѣлковъ.

3 бригады кавалеріи съ 6 орудіями образовали корпусъ Лубенскаго, а резервъ артиллеріи состоялъ изъ 46 орудій. Что касается различныхъ отрядовъ и 3-хъ баталіоновъ, то они находились подъ начальствомъ Руте и Павловскаго.

Несчастный результатъ рекогносцировки Гял-лоа все еще не открылъ глаза сумасбродамъ. Въ военномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ на что рѣшиться; мнѣнія раздѣлились, но большинство было въ пользу операций одного корпуса на правомъ берегу Вислы. Я постоянно возставаъ противъ подобной мѣры, и сказалъ, что если не

хотятъ вступитъ въ переговоры, то лучше, де-
бушировать со всѣми нашими силами чрезъ
Служевецъ на Давиды, и атаковать русскую
армію. Хотя я и немного надѣялся на побѣду,
то все же это рѣшеніе казалось предпочтитель-
нѣе того, которому намѣревались послѣдовать, и
которое дозволило бы фельдмаршалу, дѣйствовать
совершенно свободно, чтобы разбить насъ по час-
тямъ. Имѣя мостъ въ Гурѣ, онъ могъ перепра-
виться съ 20,000 чрезъ Вислу и соединившись
съ корпусомъ Ридигера, уничтожить Ромари-
но; или же, онъ могъ атаковать вовсе не
имѣющую защитниковъ Варшаву, и овладѣть ею.
Первый случай надѣялись предупредить устрой-
ствомъ моста у Вышкова, что же касается взя-
тія Варшавы, то это считали невозможнымъ.
Преувеличивая силу и превоеходство нашихъ
укрѣпленій, старались въ тоже время увѣрить
себя, что русская армія имѣетъ не свыше 160
орудій. Напрасно я утверждалъ, что она распола-
гаетъ 400, и даже болѣе орудіями, въ моихъ сло-
вахъ старались видѣть дурной умыселъ, такъ что
это было послѣднее засѣданіе военнаго совѣта, въ
которомъ я принималъ участіе. Не командуя от-
дѣльною частью въ арміи, я заботился только
о сохраненіи спокойствія въ городѣ.

Для доставленія въ Варшаву припасовъ и фу-
ража, Ромарино былъ посланъ по Брестскому
шоссе, а Лубенскій чрезъ Модлинъ въ Плоцкое

воеводство. Не смотря на всю фанфаронаду Круковецкаго, я думаю, онъ имѣлъ намѣреніе привести дѣло къ примиренію. Но онъ не рѣшался приступить къ этому, а принявъ первенствующую роль, онъ не предвидѣлъ всѣхъ трудностей, которыя ему прійдется побороть.

Ромарино черезъ-чуръ отдалился отъ Варшавы, но какъ въ то время, всѣ распоряженія мнѣ уже не были извѣстны, то я и не знаю, была ли это его вина, какъ утверждали Круковецкій и Прондзинскій, или же онъ слѣдовалъ даннымъ ему инструкціямъ.

Оборона города была раздѣлена на двѣ части. Уминскій долженъ былъ за щипать укрѣпленія отъ Черняковской заставы до Воли, а Дембинскій отъ Воли до Маримонтской заставы. По недостатку войскъ не имѣли общаго пѣхотнаго резерва. — Даже послѣднія предложенія фельдмаршала не образумили никого. На слѣдующій день, послѣ полудня, пришли мнѣ доложить, что русскія войска передвигаются. Чтобы наблюдать за ними, я взошелъ на колокольню лютеранской церкви и донесъ Круковецкому, что если въ теченіи ночи русская армія будетъ продолжать движеніе влѣво, то на слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, Воля, а можетъ быть и Парижъ, будутъ навѣрное атакованы; но на это смотрѣли какъ на демонстрацію, и придавали также мало вѣры моимъ словамъ.

какъ и показанію числа орудій, которыя однако я самъ считалъ; также не хотѣли, съ своей стороны, сдѣлать подобнаго же движенія и собрать позади Воли всѣ войска, которыми мы могли располагать, чтобы образовать резервъ. Но лица, стоявшія во главѣ правленія, задались мыслью, что если и отважутся штурмовать Варшаву, то будутъ штурмовать ее со стороны Мокотова, почему не сдѣлали измѣненій въ диспозиціи къ оборонѣ. На слѣдующій день, батарея № 54 была взята, и уже начали обстрѣливать Волю, а наши войска все еще не двигались; Круковецкій не давалъ никакихъ приказаній, а Уминскій, демонстрацію на Мокотовъ, принялъ за настоящую атаку, и поэтому не хотѣлъ обнажить лѣвый флангъ. Дембинскій послалъ только для усиленія гарнизона Воли, состоявшаго изъ 2 баталіоновъ 8-го полка, одинъ баталіонъ 10-го полка. Когда русскія войска начали штурмовать Волю, можно было располагать резервомъ состоявшимъ всего изъ 2 баталіоновъ, 6 эскадроновъ и 12 орудій. Этотъ отрядъ двинулся впередъ, но конечно не былъ достаточно силенъ. Первою отступила пѣхота, кавалерія послѣдовала за нею, и наконецъ осталась одна артиллерія: Нѣсколько времени спустя и она принуждена была отойти, чтобы небыть захваченною.

Потеря Воли, считавшейся сильнѣйшимъ пунктомъ нашей укрѣпленной оборонительной линіи,

поразила какъ начальниковъ, такъ и войска. Только самые экзальтированные члены сейма не раздѣляли общаго страха. Они помнили, что и въ февраль мѣсяцъ они трепетали, а Варшава не была взята. Смѣшивая настоящее положеніе съ тогдашнимъ, они не внимали доводамъ, что между Волею и Варшавою теперь лѣтъ Вислы, что городъ будетъ взятъ, что войска недовольно многочисленны, и, за исключеніемъ артиллеріи, не выказываютъ должной стойкости. 26 числа, когда переговоры не имѣли успѣха, штурмъ опять возобновился. Наша артиллерія отвѣчала непріятельской, но цѣхота, съ приближеніемъ русскихъ колоннъ, покинула Чисте и отступила за городской валъ.

Не имѣя возможности помышлять объ оборонѣ, сеймъ уполномочилъ Круковецкаго вступить въ переговоры, который и подписалъ актъ покорности. Но въ 7 часовъ вечера, собралось около 20 членовъ сейма, свергнувшихъ Круковецкаго и назначившихъ на его мѣсто Немоіевскаго. Уже въ теченіи дня экзальтированные головы пытались воспользоваться для своихъ цѣлей чернью, и организовать ее. Я разстроилъ ихъ планы, посылая, по мѣрѣ сбора, отряды въ 2—300 человекъ этихъ людей на городской валъ, дозволивъ раздать имъ кѣсы не ранѣе, какъ по прибытіи ихъ на мѣсто.

Мнѣ поручено было оборонять Новонзковскую

и Маримонтскую заставы. Возвращаясь около 7 часовъ отъ Вольской заставы къ Повонзковской, въ сопровожденіи одного эскадрона, взятаго мною, чтобы не быть захваченнымъ русскими разъѣздами, которые могли бы пробраться въ городъ, я увидѣлъ, что толпа народа, организованная въ теченіи дня, покинула валъ. Я остановилъ ее и заставилъ вернуться къ укрѣпленіямъ. Она направлялась по дорогѣ къ Краковскому предмѣстію, вѣроятно съ намѣреніемъ, поддержать новое правленіе. Около 2 часовъ ночи, новый глава правленія, отдалъ мнѣ приказаніе, передать мою должность Сѣравскому; я исполнилъ это и въ тоже время подалъ отставку. Не смотря на это, я удержалъ въ городѣ, для предупрежденія беспорядковъ, 5 эскадроновъ, и отправилъ ихъ въ Прагу, только въ самый день вступленія русскихъ въ Варшаву.

ХРЖАНОВСКІЙ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Хржановскаго, который, вмѣстѣ съ Прондзинскимъ, былъ свѣтиломъ войны 1831 года съ польской стороны, и имя котораго еще изрѣдка появлялось въ современной исторіи.

Хржановскій, тотчасъ по окончаніи войны, былъ офиціально приглашенъ написать вышеприведенную статью, и въ январѣ 1832 г. отправился на свою родину — Галицію: 15 марта онъ долженъ былъ возвратиться, но не пріѣхалъ. Въ іюнѣ онъ прибылъ въ Страсбургъ. 24 іюня въ Страсбургскомъ курьерѣ появилась статья Корабьевича, позволившаго себѣ говорить отъ имени всѣхъ поляковъ и назвавшего Хржановскаго измѣнникомъ. Это не новость. Тамъ же, въ другой статьѣ, генералъ Дембинскій, какъ представитель другой партіи, принялъ сторону Хржановскаго. Затѣмъ 2 іюля, капи-

танъ Нейфельдъ написалъ противъ него язвительную статью, изъ которой мы извлекаемъ слѣдующіе факты. «Въ 1829 г. Хржановскій, какъ капитанъ штаба генераль-квартирмейстера, вмѣстѣ съ другими польскими инженерными офицерами, былъ посланъ въ русскую армію въ Турцію. Онъ привезъ Великому Князю Константину Павловичу извѣстіе о занятіи Адрианополя, за что былъ произведенъ въ подполковники. 65 ноября, когда вспыхнуло возстаніе, Хржановскій оставался при Великомъ Князѣ и вмѣстѣ съ русскою гвардіею покинулъ городъ. Только на третій день, когда Константинъ Павловичъ отпустилъ всѣхъ поляковъ, онъ возвратился въ Варшаву. Хржановскій вмѣстѣ съ Прондзинскимъ пользовался въпослѣдствіи особымъ расположеніемъ Скрипицкаго, скоро произведеннаго ихъ обоихъ въ бригадные генералы. Хржановскій пріобрѣлъ довѣріе и уваженіе народа. Въ іюнѣ онъ вернулся изъ экспедиціи въ Замосць, и ему было ввѣрено начальство надъ частію арміи, находившеюся на правомъ берегу Вислы. Съ 14 по 19 іюля онъ имѣлъ многія дѣла съ непріателемъ между Минскомъ и Седльце, за что и былъ произведенъ въ дивизіонные генералы. Затѣмъ, онъ имѣлъ «частые переговоры съ генер. Даниенбергомъ и другими русскими генералами, цѣль которыхъ никогда не была

узнана» (*); вслѣдствіе этого въ столицѣ распространились слухи, что онъ начинаетъ переговоры, основаніемъ которыхъ было, что полученные во время революціи военные чины, будутъ призваны Россією (**). Эти слухи много повредили ему въ общественномъ мнѣніи. — Послѣ 15 августа Круковецкій назначилъ его губернаторомъ Варшавы. Тогда его упрекали, что онъ воспренятствовалъ вооружить 30,000 чел. (!!!) Варшавцевъ способныхъ носить оружіе, и принять имъ участіе въ битвѣ, и что даже не дозволялъ имъ показываться на улицѣ (***). Онъ сообщилъ въ собраніи народныхъ представителей извѣстіе, что «русскія ядра долетаютъ уже до города и войска не хотятъ болѣе сражаться», послѣ чего Круковецкій рѣшился на сдачу города. Затѣмъ Хржановскій остался въ Варшавѣ и присягнулъ въ качествѣ русскаго подполковника. Эмигранты особенно упрекали его за то, что онъ отказался отъ чина польскаго дивизионнаго генерала, для чина рус-

(*) Съ генер. Данненбергомъ онъ вовсе не вѣлъ переговоры, а видѣлся разъ или два съ генер. Тиманомъ, своимъ соотечественникомъ и давнишнимъ знакомымъ; и въ доказательство, какъ мало эти переговоры имѣли политическаго значенія, приведемъ то, что объ нихъ почти вовсе не было говорено.

(**) Здѣсь очевидна ненависть его враговъ!

(***) Изъ разсказа Хржановскаго извѣстно, на сколько тутъ правды.

скаго подполковника. Поэтому прибытіе его во Францію, какъ русскаго полковника, кажется имъ весьма страннымъ. Такъ далеко зашелъ Нейфельдъ.

Впослѣдствіи Хржановскій много скитался по свѣту, и испыталъ много превратностей судьбы. Англійское правительство неоднократно призывало его для своихъ предпріятій на востокъ; позже онъ прибылъ въ Италію, и въ 1849 г. былъ поставленъ Сардинскимъ королемъ въ главѣ своей арміи, не оправдавъ однакоже возлагаемыхъ на него надеждъ (Новара), вѣроятно потому, что онъ былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Хржановскій, какъ умѣренный и достойный человекъ, былъ какъ бѣльмо на глазу у экзальтированныхъ польскаго возстапія.—Гдѣ онъ находится въ настоящее время, намъ неизвѣстно.

Ф. Смитъ.